

K 1161223

се

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ

ПОСОШОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ

ПОСОШОК

К 1161223

ЛИРА ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКО-РЕДАКЦИОННОЕ АГЕНТСТВО

1990

ВОЛОГДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

РС
533
~~12~~

± КР

Публикация А. Рахлиной
Вступительная статья и состав А. Житинского
Оформление С. Захарьянца

ISBN 5-85490-001-7

- © А. Башлачев, 1990.
- © А. Житинский, вступительная статья и состав, 1990.
- © С. Захарьянц, оформление, 1990.
- © ЛИРА. Ред. подготовка, 1990.

СЕМЬ КРУГОВ БЕСПОКОЙНОГО ЛАДА

Саша Башлачев родился в конце первой „оттепели“ и ушел от нас в начале второй. Вся его короткая жизнь уместилась между этими странными суматошными всплесками российского демократизма и целиком пришлась на время, которое позже с ненужной пышностью назвали „эпохой застоя“. Это было время медленного тридцатилетнего раздумья, трагического осмысления великой иллюзии или великого обмана — и с этой точки зрения эпоху никак нельзя назвать „застойной“. Духовное движение было скрытым, глубинным, но более мощным, чем поверхностная митинговая подвижка умов. В недрах этого тягостного времени выплывали дивные образцы литературы и искусства — достаточно назвать Бродского, Тарковского, Неизвестного, Шукшина, Любимова, Высоцкого, Окуджаву. В его глубинах возник огонек русского рок-н-ролла с его повышенным вниманием к социальным проблемам — да что там говорить! — сейчас с достоверностью выясняется, что период экономического застоя и загнивания общественной жизни обладал по крайней мере тремя преимуществами в художественном, творческом смысле перед сменившим его революционным подъемом: стабильностью проблем и жизненного уклада, позволяющей разглядеть то и другое с величайшей степенью достоверности; запасом времени, терпения и внимания, чтобы осмыслить жизнь во всей полноте и довести результаты размышлений до художественного воплощения; и, наконец, уверенностью в завтрашнем дне. Замечу, что уверенность эта, вопреки смыслу затертого идеологического клише, была обратного толка — „завтра будет так же плохо, как и сегодня“, — но даже такой пессимистический прогноз давал душе художника больше покоя, чем нынешняя чересполосица надежд и тревог.

Башлачев не успел заработать себе официального титула и полного имени — „поэт Александр Башлачев“; даже сейчас, после его гибели, его удобнее называть по-дружески Сашей или же прозвищем Саш-Баш. Это помогает доверительности материалов о Башлачеве, но мешает обрести необходимую дистанцию, чтобы правильно оценить это явление природы.

Я не оговорился. Башлачев для меня ближе всего к явлению природы или, если угодно, к явлению русского духа, ибо любая прописка по жанру и ведомству выглядит подозрительно. Поэт? Музыкант? Бард? Рокер? — все это применимо к Башлачеву и все более или менее неточно. Ближе всего, конечно, слово „поэт“, но в его изначальном природном значении, смыкающемся с игрой стихий (в отличие от игры в стихи), а не в значении литературном, предполагающем знакомство со стихотворной традицией и принадлежность поэтической школе. Башлачева, как и Высоцкого, вряд ли можно назвать „мастером стиха“, хотя у того и другого встречаются строки, которые не снились любому мастеру — строки-прозрения, строки-предвидения.

Сам Саша, как мне кажется, считал себя поэтом. Конечно, называть себя так — нескромно, но в душе примерять к себе это звание необходимо тому, кто ответственно относится к своему дару. А Башлачев относился ответственно: написано им немного, но среди оставшихся сочинений практически нет „пустячков“. Он почти всегда пытался петь о главном. В стихотворении-песне „На жизнь поэтов“ он сказал о самом сущностном в поэтической судьбе, в призвании поэта. Там поразительно много точнейших определений поэтического творчества, горестное предвидение своей собственной судьбы и судьбы своих стихов: „Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада по чистым листам, где до времени — все по устам...“. И далее эти „семь кругов“ беспокойного поэтического лада варьируются в песне, обретая очертания символического образа, зыбкого вместилища духа.

По каким же кругам ходила поэзия Башлачева, прежде чем уйти на „восьмой“ круг — круг бессмертия?

Внешний круг земной судьбы обозначен двумя датами: 27 мая 1960 года Саша Башлачев родился в Череповце, 17 февраля 1988 года он покончил с собой в Ленинграде, выбросившись из окна. В неполном двадцативосьмилетнем промежутке уместились школа, факультет журналистики Свердловского университета, работа в районной череповецкой газете „Коммунист“, сочинение стихов и песен — сначала для череповецкой группы „Рок-сентябрь“, потом „для себя“, а последние три года — странная, бесприютная жизнь бродячего музыканта, путешествующего с гитарой по городам и весям страны, поющего свои песни на домашних концертах, изредка — в залах и на фестивалях. Вошли в этот круг и женитьба в Ленинграде, и последняя, самая сильная любовь к женщине, подарившей ему сына Егора, которого Саше увидеть так и не довелось.

Круг судьбы, ее конкретные приметы весьма скупо отражены в Сашиних стихах. Мелькнет иногда „поезд Свердловск—Ленинград“, или появятся на лесенке его любимая Настенька с друзьями „Митенькой и

Сереженькой”, или блеснет под фонарем свинцовая вода Фонтанки в городе, который стал для него родным, чью болезненную и высокую душу Башлачев ощутил так, будто был коренным петербуржцем. „В Москве, может быть, и можно жить. А в Ленинграде стоит жить”, — сказал Саша в одном из интервью, которыми его совсем не баловали.

Более высокий поэтический круг — круг истории — проступает в стихах Башлачева явственнее. Ощущением истории пронизаны многие песни — это и „Ржавая вода”, и „Время колокольчиков”, и „Петербургская свадьба”, и „Абсолютный Вахтер”. Бесполезно искать там интерпретацию конкретных исторических событий; Башлачев — поэт, а не историк и философ. Историческое воплощено в неожиданных и точных поэтических деталях, в смещениях смысла давным-давно знакомых оборотов и выражений. И если „сталинские шпоры” не оставляют сомнений относительно источника происхождения, то в словах „вот тебе, приятель, и Прага, вот тебе, дружок, и Варшава” уже труднее угледеть историческую первооснову, но она все равно чувствуется.

Но еще свободнее чувствует себя поэт в надисторическом фольклорном кругу мифа, былины. Здесь им создано несколько вещей, которые ни в коем случае нельзя считать стилизациями („Егоркина былина”, „Ванюша”, „Имя Имен”, „Вишня”, „Спроси, звезда” и др.). Органичность погружения в эту стихию доказывается тем, что фольклорными образами и мотивами пронизаны практически все стихи и песни Башлачева. И наш бедный и жестокий быт, и наша бедная, несчастная история последних десятилетий мифологизируются, срастаясь в песне с могучими тысячелетними корнями русского эпоса. В этом, на мой взгляд, отличие Башлачева от иных „патриотически” настроенных творцов, которые как бы отделяют „чистую” историю России и ее предания от „нечистых”, неправедных наслоений послеоктябрьского периода. В Сашиних стихах нигде не встретишь сусальных образов древности, не встретишь в них и презрения к дню сегодняшнему. Все это — звенья одной нерасторжимой цепи, натянутой между полюсами „нашей редкой силы сердешной” и „дури нашей злой заповедной”. Это исконное противоречие национального характера Башлачев чувствовал нутром — да что там чувствовал! — он сам был этим противоречием. Достаточно послушать записи его песен, модуляции голоса, срывающегося с тихого шепота в яростный крик.

Он не боялся соединять, казалось бы, несоединимое. В одной строфе соседствуют у него „батюшка царь-колокол” с „биг-битом, блюзом и рок-н-роллом”; то и другое околдовывает поэта и его слушателя, благодаря Божьему дару слова.

Круг русского слова, четвертый поэтический круг Башлачева, — это его стихия, среда обитания образов. Строго говоря, так можно сказать о любом истинном поэте, но для большинства из них Слово — лишь средство, доносящее до читателя смысл стиха. У Башлачева оно само стало смыслом. Стремление поэта в глубину заставляло его искать корневые сближения слов, их созвучия, высекающие иной раз искру невиданного смысла, а иногда погружающие в темные магические — до мурашек по коже — заклинания:

Как искали искры в сыром бору,
Как писали вилами на роду,
Пусть пребудет всякому по нутру
Да воздастся каждому по стыду.

Но не слепишь крест, если клином клин,
Если месть — как место на звон мечом.
Если все вершины на свой аршин.
Если в том, что есть, видишь что почем.

Я люблю эту вязь, эту звукопись, которая никогда не была для поэта самоцельной — посмотрите, мол, как я ловко аллитерирую, как играет внутренняя рифма! — но всегда несла на себе отпечаток мучительных поисков Правды. Несомненно, Башлачев ощущал слово по-особому, потому иногда так загадочно-темны его фразы, будто запертые сторожки на глухой лесной дороге — их назначение можно долго разгадывать, а можно принять как должное вместе с их потаенным смыслом.

Слову было тесно в лексическом и семантическом круге, оно выплескивалось в звукоряд, в музыку, в сферу созвучий, возвращая поэзии ее значение искусства мелодического. Поэтому, говоря о музыкальном круге поэтического дара Башлачева, я менее всего имею в виду композиторские способности Саша или его умение играть на гитаре. Среди стихов, вошедших в эту книгу, есть ряд таких, что намекают на специфическое музыкальное сопровождение, имеют, так сказать, рок-н-рольную основу („Дым коромыслом“, „Черные дыры“, „Час прилива“), но в подавляющем большинстве стихи-песни обладают совершенно самобытной мелодикой и ритмикой. Напечатанные на бумаге строки лишь бледная тень звучащего ряда. Никаким алфавитом, никакой нотной азбукой не передать интонации, ритмического рисунка, повторов, зачинов строк, разрушающих строгую поступь метра и сообщающих песне свободу живой души. Иногда, чтобы правильно прочесть напечатанное стихотворение, его непременно прежде надо услышать в записи — иначе запутаешься, строки покажутся неуклюжими, неумелыми, бесформенными. А послушаешь

Сашино пение под гитару — и все становится на место. Прозрачная ясность и чистота. Ничего лишнего.

И все же смысловые, фонетические, лексические круги поэзии Александра Башлачева служат лишь основанием для построения двух последних, сущностных „кругов беспокойного лада“, которые я бы назвал кругом Любви и кругом Смерти. Все, попадающее в поле зрения поэта — будь то случайная встреча с неизвестным сибирским бардом, который „показал бы большинству и в том, и в этом мире“, или былинная Егоркина судьба, или обращение к поэтическим судьбам, — рассматривается с запредельной высоты этих вечных понятий. Любовь „идет горлом“ и тянет за собою смерть. Настоящего поэта легко распознать по бесстрашию, с каким он говорит о любви и смерти, и бесстрашие это всегда оплачивается судьбой. Башлачева страшно читать и еще более — страшно слушать. Дух захватывает, будто глядишь вниз с многоэтажной высоты перед последним шагом. Прежде, чем Саша сделал этот шаг, он измерил бездну своими песнями. Стало уже общим местом говорить о том, что Башлачев точно предсказал свою судьбу — вплоть до мельчайших деталей: „рекламный плакат последней весны качает квадрат окна“ и „зима в роли моей вдовы“, и „когда я спокойно усну, тихо тронется весь лед в этом мире и прыщавый студент-месяц Март трахнет бедную старуху-Зиму“, — но это действительно так, каждая из этих строк оплачена слишком дорогой ценой.

Он знал о любви и смерти больше нас, потому ушел так рано. Его строчка „нет тех, кто не стоит любви“ врезается в память обжигающим откровением, хотя по смыслу ничем не отличается от двухтысячелетней христианской заповеди. О любви к ближнему твердили тысячи людей после Христа, но услышали только тех, кто подтвердил эту любовь собственной смертью.

...А теперь давайте спустимся с небес на землю, потому что этот очень молодой человек невысокого роста с ладной фигурой и ясной улыбкой всего лишь два с небольшим года назад ходил среди нас. Мы встречались с ним — кто чаще, кто реже — разговаривали, слушали его песни... Разве мы не видели тогда — с кем имеем дело? Разве не чувствовали? Почему же говорим и пишем о нем так, как он того заслуживает, только сейчас, когда его уже нет?

Вопрос больной. И не только к Башлачеву относится. Тот же самый вопрос задавали, когда не стало Высоцкого. И всякий раз он подразумевается на похоронах и поминках хорошего человека, которому не воздали при жизни. Звучит немой укор: что же вы раньше этого не сказали? Где вы были? Может быть, услышь он ваши слова, был бы сегодня жив и здоров?

Я категорически с этим не согласен. Мне трудно представить себе Сашу Башлачева, обласканного официальной критикой, выпустившего книгу, принятого, глядишь, в Союз писателей. Не к тому он стремился. Все справедливые слова и почести ни на минуту не оттянули бы трагического конца скорее, приблизили бы его. Он стремился не к тому, чтобы быть обласканным, а к тому, чтобы быть понятым. А это, увы, задача почти недоступная для поэта, идущего по целине. Дело в том, что судьба трагического поэта — такое же произведение искусства, как его стихи. Отчасти он пишет судьбу сам, отчасти диктуют обстоятельства. Нельзя сказать, что Сашу не любили или не замечали — в любом городе его ждали друзья и благодарные слушатели. Это гораздо важнее для художника, чем официальная слава. Но те, кто слушал его, — не всегда слышали, хотя и старались понять. Подлинное понимание приходит только теперь, когда жизнь состоялась до последней точки. Многие из тех, кто близко знал Сашу, сходятся на том, что конец его был предопределен всем складом его характера, темперамента, личности. Он был заперделен в своем творчестве — и вышел за предел.

Что поражало при встрече с ним — какая-то детская незамутненная чистота, может быть даже наивность. Он был немногословен и застенчив. Во всяком случае, так мне показалось после считанных пяти или шести наших встреч. Я никогда не считал его рокером, хотя познакомился в этом кругу. Он был в стороне, сам по себе. По-моему, он боялся публичности, не любил ее. Помню, как он волновался перед выходом на сцену Ленинградского Дворца молодежи во время рок-фестиваля 1987 года. Через несколько дней у Гребенщикова состоялась наша последняя встреча. Потом он исчез из Ленинграда, его искали, чтобы выбрать песни на пластинку, утвержденную „Мелодией“, но было уже поздно. Мне кажется, что после того лета он уже ушел „на восьмой круг“.

Готовя эту книгу к печати с согласия Насти, передавшей мне полное собрание Сашиных стихов вскоре после его смерти, а потом приславшей откорректированные варианты, я вновь прослушал все имеющиеся у меня башлачевские записи. На пленках оказалось тридцать три песни, в настоящий сборник вошло сорок произведений поэта, в последнем откорректированном списке их 58. Наиболее полным и показательным в смысле содержания концертом Саши я считаю выступление в московском Театре на Таганке 22 января 1986 года. Определяя состав книги, мы старались следовать духу того концерта, в котором Саша спел двадцать песен, в том числе „Егоркину былинку“ и „Ванюшу“ — две свои маленькие поэмы.

Фонограмма сохранила не только песни, но и краткое вступительное слово Артемия Троицкого, и Сашины реплики-комментарии между песнями. Даже на слух чувствуется — как он волновался, особенно поначалу.

Еще бы — петь в театре Высоцкого! Глуховатым голосом, скороговоркой, словно извиняясь, он говорил, что у него мало смешных песен, старался их вспомнить... И все же упрямо гнул свое: пел главные песни, где его нельзя было упрекнуть ни в подражательности, ни в желании угодить публике. А публика была сдержанна, и ее тоже можно понять: совсем недавно в дружеском кругу перед нею пел сам Высоцкий!

Эту фонограмму нельзя слушать без волнения не только потому, что Башлачев прекрасно поет свои песни: удивительна психологическая атмосфера концерта, его драматургия. Башлачев сражался на территории поэта, которого любил и читал, но от которого все дальше уходил в своем творчестве. И он хотел, чтобы это заметили. Он начал с „Посошка“, „Времени колокольчиков“, „Петербургской свадьбы“. Реакция настороженная и прохладная. Чувствуется, что все ждут — когда же будет наше родное, „высоцкое“? Но Саша поет „Случай в Сибири“, „Лихо“, „Мельницу“ с ее колдовским завораживающим сюжетом, „Некому березу заломати“, „Все от винта!“ и еще несколько своих лучших песен, все время как бы извиняясь, что вот, мол, песни серьезные, смешного мало... А ведь мог сразу взять аудиторию в руки, спев „Подвиг разведчика“ или „Слет-симпозиум“, — это ведь беспроборно в Театре на Таганке! Но он спел эти песни лишь после восемнадцатиминутной „Егоркиной былины“ — и как все оживились, засмеялись, заплодировали! Мол, что же ты тянул, парень! Вот настоящее, наше, „высоцкое“... Но он опять извинился: смешного больше нет — и спел „Тесто“, „Сядем рядом...“, „Как ветра осенние“, а закончил „Ванюшей“.

Он не хотел эстрадного успеха. Он хотел петь о главном и быть понятым правильно. Те же „Подвиг разведчика“ и „Слет-симпозиум“ — песни, брызжущие юмором, веселой злостью — показывают, что Башлачев мог катиться на этой волне и дальше, как делают многие гораздо менее талантливые последователи Высоцкого. Но он не захотел. Не смог себе позволить.

В определении состава посмертной книги, в ее редакции без участия автора всегда есть некий произвол, возможность ошибок и неточностей. Мы старались свести их к минимуму. Однако следует помнить, что этот сборник не является академическим научным изданием и не претендует на полноту. Мы не приводим вариантов отдельных строк или строф — а разночтений у Башлачева довольно много. Более того, иной раз мы не придерживались последней авторской редакции, даже если она была известна, а останавливались на наиболее распространенном варианте, встречающемся в большинстве Сашиных фонограмм. Например, в последней редакции песни „Время колокольчиков“ вместо строчки „Рок-н-ролл — славное язычество!“ стоит „Свистопляс! Славное язычество!“. Может

быть Башлачев искал русский ритмический эквивалент рок-н-ролла, может быть, считал, что так будет точнее. Не нам гадать. Мы оставили „рок-н-ролл“ как вариант более привычный и известный. Также мы оставили слова с точками вместо букв, что звучат на пленках и что были заменены в последней редакции разными цензурными эвфемизмами.

Вообще же, Сашу надо слушать. Пускай эта книга останется зримым путеводителем по его песням, пускай она даст возможность прикоснуться к строчкам, чтобы мысленно воспроизвести Сашин голос, мелодию песни, неповторимый нежный и яростный звук его гитары. А мы еще раз помянем его и выпьем с ним „на посошок“...

Александр Житинский

Александр Башлачев. Концерт 1988 г.

Концерт памяти А. Башлачева. 1988 г. Выступают: Ю. Шевчук и И. Зайцев.

Концерт памяти А. Башлачева 1989 г. Выступает В. Цой.

Александр Башлачев. Концерт 1988 г.

Концерт памяти А. Башлачева. 1989 г. Выступает А. Макаревич

Концерт памяти А. Башлачева. 1989 г. Выступает Ю. Ильченко.

ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Долго шли зноем и морозами,
Вся снесли и остались вольными,
Жрали снег с кашею березовой
И росли вровень с колокольнями.

Если плач — не жалели соли мы,
Если пир — сахарного пряника.
Звонари черными мозолями
Рвали нерв медного динамика.

Но с каждым днем времена меняются.
Купола растеряли золото.
Звонари по миру споняются.
Колокола сбиты и расколоты.

Что же теперь ходим круг да около
На своем поле, как подпольщики?
Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь время колокольчиков.

Ты звени, сердце, под рубашкою
Второпях — врассыпную вороны.
Эй! Выводи коренных с пристяжкой
И рванем на четыре стороны.

Но сколько лет лошади не кованы,
Ни одно колесо не мазано.
Плетки нет. Седла разворованы.
И давно все узлы развязаны.

А на дожде — все дороги радугой!
Быть беде. Нынче до смеха ли?
Но если есть колокольчик под дугой,
Так, значит, все. Заряжай, поехали!

Загремим, засвистим, защелкаем!
Проберет до костей, до кончиков.
Эй, братва! Чуете печенками
Грозный смех русских колокольчиков?

Век жуем матюги с молитвами.
Век живем — хоть шары нам выколи.
Сним да пьем. Сутками и литрами.
Не поем. Петь уже отвыкли.

Долго ждем. Все ходили грязные,
Оттого сделались похожими,
А под дождем оказались разные —
Большинство — честные, хорошие.

И пусть разбит батюшка Царь-колокол —
Мы пришли с черными гитарами.
Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл
Околдовали нас первыми ударами.

И в груди — искры электричества.
Шапки в снег — и рваните звонче.
Рок-н-ролл — славное язычество.
Я люблю время колокольчиков.

НЕКОМУ БЕРЕЗУ ЗАЛОМАТИ

Уберите медные трубы!
Натяните струны стальные!
А не то сломаете зубы
Об широты наши смурные.

Искры самых искренних песен
Полетят как пепел на плесень.
Вы все между ложкой и ложью,
А мы все между волком и вошью.

Время на другой параллели
Сквозняками рвется сквозь щели.
Ледяные черные дыры —
Окна параллельного мира.

Через пень колоду сдавали,
Да окно решеткой крестили.
Вы для нас подковы ковали,
Мы большую цену платили.

Вы снимали с дерева стружку,
Мы пускали корни по-новой.
Вы швыряли медну полушку
Мимо нашей шапки терновой.

А наши беды вам и не снились,
Наши думы вам не икнулись.
Вы б наверняка подавились,
Мы же — ничего, облизнулись.

Лишь печаль-тоска облаками
Над седой лесною странюю.
Города цветут синяками
Да деревни — сыпью чумною.

Кругом — бездорожья траншеи.
Что, к реке торопимся, братцы?
Столудовый камень на шее...
Рановато парии купаться!

Хороша студена водица,
Да глубокий омут таится.
Не напиться нам, не умыться,
Не продрать колтун на ресницах.

Вот тебе обратно тропинка
И петляй в родную землянку.
А крестины там, иль поминки —
Все одно там пьянка-гулянка.

Если забредет кто нездешний,
Поразится живности бедной,
Нашей редкой силе сердашной
Да дури нашей злой-заповедной.

Выкатим кадушку капусты,
Выпечем ватрушку без теста.
Что, снаружи все еще пусто?
А внутри по-прежнему тесно...

Вот и посмеемся простуженно,
А о чем смеяться — неважно.
Если по утрам очень скучно,
То по вечерам очень страшно.

Всемером ютимся на стуле,
Всем миром на нары-полати.
Спи, дитя мое, люли-люли!
Некому березу заломати.

1161223

Библиотека
им. И. В. Сталина
Москва

РЖАВАЯ ВОДА

Красной жар-птицею,
Время жгло страницы,
Но годы вывернут карманы —
А над городом — туман. Худое времечко.
С корочкой запеклось.

Черными датами —
Лили ушатами —
Годы весело гремят пустыми фляжками,
Сырые дни дымят короткими затычками
Под водопадом
Ну, плот был, что надо,
И только кольцами года
Да только ржавая вода
Но ветки колючие
Да корни могучие
А пока вода-вода
Улететь бы куда белой цаплею! —
Но этот город с кровотокащими жабрами
Надо бы переплыть.
А время ловит нас в воде губами жадными.
Время нас учит пить.

салютуя маузером лающим,
едва касаясь их пером пылающим.
дни, как семечки,
Валятся вкривь да врозь.
Худое времечко.
С корочкой запеклось.
а ну, еще плесни на крышу раскаленную!
ржавую, кровавую, соленую...
выворачивают кисет.
в самокрутках газет.
спасались, как могли,
срубили дерево.
да только не держало на воде его.
завиваются
в водоворотх пустых площадей.
разливается
на портретах Великих Дождей.
обернутся острыми рогатками.
заплетутся грозными загадками.
кап-кап-каплею
лупит дробью
в мое стекло.
Обожжено крыло.

ЛИХО

Если б не терпели — по сей день бы пели.
А сидели тихо — разбудили Лихо.
Вьюга продувает белые палаты.
Головой кивает х... из-под заплаты.

Клевер да березы — полевое племя.
Север да морозы — золотое стремя.
Серебро и слезы в азиатской вазе.
Потом — юродивые князи нашей всепогодной грязи.

Босиком гуляли по алмазной жиле.
Многих постреляли. Прочих сторожили.
Траурные ленты. Бархатные шторы.
Брань, аплодисменты да сталинные шпоры.

Корчились от боли без огня и хлеба.
Вытоптали поле, засевая небо.
Хоровод приказов. Петли на осинах.
А поверх алмазов — зыбкая трясина.

Позабыв откуда, скачем кто куда.
Ставили на чудо, выпала беда.
По оврагу рыщет бедовая шайка —
Батька-топорище да мать моя нагайка.

Ставили артелью — замело метелью.
Водки на неделю, да на год похмелья.
Штопали на теле. К ребрам пришивали.
Ровно год потели да ровно час жевали.

Пососали лапу — поскрипим лаптями.
К свету — по этапу. К счастью — под плетями.
Веселей, вагоны! Пляс да перезвоны.
Кто услышит стоны краденой иконы?

Вдоль стены бетонной — ветерки степные.
Мы тоске зеленой — племяши родные.
Нищие гурманы, лживые сироты
Да горе-атаманы из сопливой роты.

Мертвякам припарки — как живым медали.
Только и подарков — то, что не отняли.
Нашим или вашим — липкие стаканы?
Вслед крестами машут сонные курганы.

НОВЫЙ ГОД

Мы у ворот. Эй, отвори, охрана!
Ровно в двенадцать нам разрешают вход.
Мокрый от пены и, безусловно, пьяный
Я удираю в новый грядущий год.

С треском разбив влочные игрушки,
Жмется к столу общество-ассорти.
Хочется стать взрывчатой хлопущкой
И расстрелять вас залпами конфетти.

Но нужно включиться
И — раз, два, три! — веселиться.
А лучше всего напиток. Вдрызг.
Чтоб рухнуть под стол — пластом.
Кто-то из женщин
В маска лисицы
Приветливо машет мне своим пушистым хвостом.

Там, наверху, счетчик стучит все чаще.
Там, наверху, скоро составят счет.
Кто-то открытку бросил в почтовый ящик.
Может быть, ангел? Может быть — пьяный черт?

В этом году я выбираю черта,
Я с ним охотно чокнусь левой рукой.
Я объявляю восемьдесят четвертый
Годом серьезных мер по борьбе с тоской.

Но в комнате пусто,
Смазаны краски.
Слышен могучий храп за стеной.
Кто-то из женщин сбрасывает маску
И остается рядом со мной.

Как хорошо, когда некуда торопиться.
Славно проспать первый январский день.
Надо бы встать, чтобы опохмелиться,
Надо бы встать, но подниматься лень.

В куче кассет местный рок-клуб — по росту,
Маршевый шаг вперед, два шага назад.
Ровно в двенадцать — Всеволод Новгородцев
И модная группа „Фрэнки гоуз ту Ленинград“.

Мы засыпаем. Что нам приснится?
Лес и дорога. Конь вороной.
Кто-то из женщин в маске лисицы
Утром проснется рядом со мной.

Кто-то из женщин быстро с постели встанет,
Выглядит платье и подойдет к столу.
Кто-то из женщин все по местам расставит,
Где-то в углу на кухне найдет метлу.

**Кто-то из женщин ловко сметет осколки,
Вымоет чашки с мылом и кипятком.
Снимет игрушки, выбросит наши елки
И, не прощаясь, щелкнет дверным замком.**

**А солнце все выше! Скоро растает.
Деда Морозы получают расчет.
Сидя на крыше, скорбно глотает
Водку и слезы мой маленький черт.**

ВСЕ ОТ ВИНТА!

Рука на плече. Печать на крыле.
В казарме проблем — банный день.
Промокла тетрадь.
Я знаю, зачем иду по земле.
Мне будет легко улетать.

Без трех минут — бал восковых фигур.
Без четверти — смерть.
С семи драных шкур — шерсти клок.
Как хочется жить! Не меньше, чем петь.
Свяжи мою нить в узелок.

Холодный апрель. Горячие сны.
И вирусы новых нот в крови.
И каждая цель ближайшей войны
Смеется и ждет любви.

Наш лечащий врач согреет солнечный шприц
И иглы лучей опять найдут нашу кровь.
Не надо, не плачь. Сиди и смотри,
Как горлом идет любовь.

Лови ее ртом. Стаканы тесны.
Торпедный аккорд — до дна!
Рекламный плакат последней весны
Качает квадрат окна.

Дырявый висок. Слепая орда.
Пойми, никогда не поздно снимать броню.
Целуя кусок трофейного льда
Я молча иду к огню.

Мы — выродки крыс. Мы — пасынки птиц.
И каждый на треть — патрон.
Лежи и смотри, как ядерный принц
Несет свою плеть на трон.

Не плачь, не жалей. Кого нам жалеть?
Ведь ты, как и я, сирота.
Ну, что ты? Смелей. Нам нужно лететь!
А ну, от винта! Все от винта!

СЛУЧАЙ В СИБИРИ

Пока пою, пока дышу, любви меняю кольца,
Я на груди своей ношу три звонких колокольца.
Они ведут меня вперед и ведают дорожку.
Сработал их под Новый Год знакомый мастер Прошка.
Пока дышу, пока пою и пачкаю бумагу
Я слышу звон. На том стою. А там глядишь — и лягу.
Бог даст — на том и лягу.

К чему клоню? Да так, пустяк. Вошел и вышел случай.
Я был в Сибири. Был в гостях. В одной веселой куче.
Какие люди там живут! Как хорошо мне с ними!
А он... Не помню как зовут. Я был не с ним. С другими.
А он мне — пей! и жег вином, — кури! — и мы курили.
Потом на языке одном о разном говорили.

И он сказал: — Держу пари — похожи наши лица.
Но все же, что ни говори, я здесь, а ты — в столице.
Он говорил, трещал по шву: мол, скучно жить в Сибири.
Вот в Ленинград или в Москву...
Он показал бы большинству
И в том и в этом мире.

— А здесь чего? Здесь только пьют. Мечи для них бисеры.
Здесь даже бабы не дают.
Сплошной духовный неуют.
И все, как кошки, серы.
— Здесь нет седла, один хомут.
Поговорить-то не с кем.
Ты зря приехал. Не поймут,
Не то, что там — на Невском.

— Ну как тут станешь знаменит? —
Шептал он сквозь отрыжку.
— Да что там у тебя звенит?
Какая мелочишка?
Пока я все это терпел и не спускал ни слова,
Он взял гитару и запел. Пел за Гребенщикова.
Мне было жаль себя, Сибирь, гитару и Бориса.
Тем более, что на Оби мороз всегда за тридцать.

Потом окончил и сказал, что снег считает пылью.
Я встал и песне подвязал оборванные крылья.
И спел свою, сказав себе: — Держись! — играя кулаками,
А он сосал из меня жизнь глазами-слизняками.
Хвалил он: — Ловко врезал ты по ихней красной дате.
И начал вкручивать болты про то, что я — предатель.

Я сел, белее, чем снега. Я сразу онемел как мел.
Мне было стыдно, что я пел, за то, что он так понял.
Что смог дорисовать рога, что смог дорисовать рога
Он на моей иконе.

— Как трудно нам — тебе и мне, — шептал он, — жить в такой стране.
И при социализме.
Он истину топил в говне.
За клизмой ставил клизму.
Тяжелым запахом дыша,
Меня кусала злая вша.
Чужая тыловая вша.
Стучало сердце. Звон в ушах.
— Да что там у тебя звенит?
И я сказал: — Душа звенит. Обычная душа.

— Ну ты даешь! Чем ей звенеть? Ведь там одна утроба.
С тобой тут сам звенеть начнешь.
И я сказал: — Попробуй!
Ты не стесняйся. Оглянись. Такое наше дело.
Проснись. Да хорошо встряхнись. Да так, чтоб зазвенело.

— Зачем живешь? Не сладко жить. И колбаса плохая.
Да разве можно не любить?
Вот эту бабу не любить, когда она такая!
Да разве ж можно не любить?
Да разве можно хаять?

Не говорил ему за строй. Ведь сам я — не в строю.
Да строй — не строй. Ты только строй.
А не умеешь строить — пой.
А не поешь — тогда не плюй.
Я — не герой. Ты — не слепой.
Возьми страну свою.

Я первый раз сказал о том, мне было нелегко.
Но я ловил открытым ртом родное молоко.
И я припал к ее груди. И рвал зубами кольца.
Была дорожка впереди. Звенели колокольца.

Пока пою, пока дышу, дышу и душу не душу,
В себе я многое глушу. Чего б не смыть плевка?
Но этого не выношу. И не стираю. И ношу.
И у любви своей прошу хоть каплю молока.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Однозвучно звенит колокольчик Спасской башни Кремля.
В тесной кузнице дня Лохи-блохи подковали Левшу.
Под рукою — снега. Протокольные листы февраля.
Эх, бессонная ночь! Наливай чернила — все подлишу!

Как досрочник-„зека“ два часа назад откинулся день.
Я опять на краю знаменитых вологоданьских лесов.
Как эскадра в строю, проплывают корабли деревень
И печные дымы — столбовые мачты без парусов.

И плывут до утра хутора, где три кола — два двора.
Но берут на таран всероссийскую столетнюю мель.
Им смола — дикий хмель, а еловая кора им — махра.
Снежок — сахарок, а сосульки им — добра карамель.

А не гуляй без ножа! Да дальше носа не ходи без ружья!
Много злого зверья ошалело — аж хвосты себе жрет.
А в народе зимой — ша! — вплоть до марта боевая ничья.
Трудно ямы долбить. Мерзлосем коловорот не берет.

Ни церквушка, ни клуб. Поцелуйте постный шиш вам баян.
Ну, а ты не будь глуп! Рафинада в первачок не жалеи!
Не достал нас „Маяк“. Но концерты по заявкам сельчан
По ночам под окном исполняет сводный хор кобелей.

Под окном по ночам — то ли песня, то ли плач, то ли крик,
То ли спим, то ли нет не поймешь нас — ни живы, ни мертвы.
Лишь тропа в крайний дом над обрывом вьется, как змеявик.
Истоптали весь снег на крыльце у милицейской вдовы.

Я люблю посмотреть как купается луна в молоке.
А вокруг столько звезд! Забирай хоть все — никто не берет.
Значит, крепче стал лед. Мерзни, мерзни, волчий хвост на реке!
Нынче — славный мороз. Минус тридцать, если Боб нам не врет.

Я устал кочевать от Москвы до самых дальних окраин.
Брел по горло в снегу. Оглянулся — не осталось следа.
Потеснись — твою мать! — дядя Миша, косолапый хозяин!
Я всю ночь на бегу. Я не прочь и подремать, но когда

Я спокойно усну, тихо тронется весь лед в этом мире
И прыщавый студент — месяц Март трахнет бедную старуху-Зиму.
Все ручьи зазвенят, как кремлевские куранты Сибири.
Вся Нева будет петь. И по-прежнему впадать в Колыму.

Звенели бубенцы. И кони в жарком мыле.
Тачанку понесли навстречу целине.
Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили
Два черных фонаря под выбитым пенсне.

Там шла борьба на смерть. Они дрались за место
И право наблещать за свадебным столом.
Стремясь стать сразу всем, насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли напролом.

Сегодня город твой стал праздничной открыткой.
Классический союз гвоздики и штыка.
Заштопаны тугой, суровой красной ниткой
Все бреши твоего гнилого сюртука.

Под радиоудар московского набата
На брачных простынях, что сохнут по углам,
Развернутая кровь, как символ страстной даты,
Смешается в вине с грехами пополам.

Мой друг, иные здесь. От них мы недалеко.
Ретивые скопцы. Немая тетива.
Калечные дворцы простерли к небу плечи,
Из раны бьет Нева. Пустые рукава.

Подставь дождю щеку в следах былых пощечин.
Хранила б нас беда, как мы ее храним.
Но память рвется в бой. И крутится, как счетчик,
Снижаясь над тобой и превращаясь в нимб.

Вот так скрутило нас и крепко завязало
Красивый алый бант окровленный бинтом.
А свадьба в воронках летела на вокзалы.
И дрогнули пути. И разошлись крестом.

Усатов „Ура!“ чужой, недоброй воли
Вертело бот Петра в штурвальном колесе.
Искали ветер Невского да в Елисейском поле
И привыкали звать Фонтанкой – Енисей.

Ты сводишь мост зубов под рыхлой штукатуркой,
И купол лба трещит от гробовой тоски.
Гроза, салют и мы! – и мы летим над Петербургом,
В решетку страшных снов врезая шпиль строки.

Летим сквозь времена, которые согнули
Страну в бараний рог и пили из него.
Все пили за него – и мы с тобой хлебнули
За совесть и за страх. За всех. За тех, кого

Слизнула языком шершавая блокада.
За тех, кто не успел проститься, уходя.
Мой друг, сними штаны и голым Летним садом
Прими свою вину под розгами дождя.

Поправ сухой закон, дождь в мраморную чашу
Льет черный и густой осенний самогон.
Мой друг „Отечество“ твердит, как „Отче наш“,
Но что-то от себя послал ему вдогон.

За окнами салют. Царь-Пушкин в новой раме.
Поксйные не пьют, да нам бы не пролить.
Двуглавые орлы с побитыми крылами
Не могут меж собой корону поделить.

Подобие звезды по образу окурка.
Прикуривай, мой друг, спокойней, не спеши...
Мой бедный друг, из глубины твоей души
Стучит копытом сердце Петербурга.

АБСОЛЮТНЫЙ ВАХТЕР

Этот город скользит и меняет названья.
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

Он отлит в ледяную нейтральную форму.
Он тугая пружина. Он нем и суров.
Генеральный хозяин тотального шторма
Гонит пыль по фарватеру красных ковров.

Он печатает шаг, как чеканят монеты,
Он обходит дозором свой архипелаг.
Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах
Вызывает волнение мертвых бумаг.

Алый факел — мелодию в белой темнице —
Он несет сквозь скупую гармонию стен.
Он выкачивает звуки резиновым шприцем
Из колючей проволоки наших вен.

В каждом гимне — свой долг, в каждом марше — порядок.
Механический волк на арене лучей.
Безупречный танцор магаданских площадок.
Часовой диск-жокей бухенвальдских печей.

Лакированный спрут, он приветлив и смазан,
И сегодняшний бал он устроил для вас.
Пожилой патефон, подчиняясь приказу,
Забирает иглой ностальгический вальс.

Бал на все времена! Ах, как сентиментально.
И паук — ржавый крест — спит в золе наших звезд.
И мелодия вальса так документальна,
Как обычный арест, как банальный донос.

Как бесплатные танцы на каждом допросе,
Как татарин на вышке, рванувший затвор.
Абсолютный Вахтер — не Адольф, не Иосиф,
Дюссельдорфский мясник да пскопской живодер.

Полосатые ритмы синкопой на пропуске.
Блюзы газовых камер и свинги облав.
Тихий плач толстой куклы, разбитой при обыске,
Бесконечная пауза выжженных глав.

Как жестоки романсы патрульных уставов
И канцонов концлагерных нар звукоряд.
Бьются в вальсе аккорды хрустящих суставов
И решетки чугунной струною звенят.

Вой гобоев ГБ в саксофонах гестапо
И все тот же калибр тех же нот на листах.
Эта линия жизни — цепь скорбных этапов
На незримых и призрачных, жутких фронтах.

Абсолютный Вахтер — лишь стерильная схема,
Боевой механизм, постовое звено.
Хаос солнечных дней ночь приводит в систему
По названью... да, впрочем, не все ли равно.

Ведь этот город скользит и меняет названья,
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Крутит ветер фонари
на реке Фонтанке.
Спите, дети... До зари
с вами — добрый ангел.

Начинает колдовство
домовой-проказник.
Завтра будет Рождество.
Завтра будет праздник.

Ляжет ласковый снежок
на дыру-прореху.
То-то будет хорошо,
то-то будет смеху.

Каждый что-нибудь найдет
в варежках и в шапке.
А соседский Васька-кот
спрячет цап-царапки.

Звон — фольга, как серебро.
Розовые банты.
Прочь бумагу! Прочь перо!
Скучные диктанты.

Замелькают в зеркалах
платья-паутинки.
Любит добрая игла
добрые пластинки.

Будем весело делить
дольки мандарина.
Будет радостно кружить
елка-балерина.

Полетят из-под руки
клавиши рояля.
И запляшут пузырьки
в мамином бокале.

То-то будет хорошо!
Смеху будет много.
Спите, дети. Я пошел.
Скатертью тревога.

ХОЗЯЙКА

Сегодня ночью — дьявольский мороз.
Открой, хозяйка, бывшему солдату.
Пусти погреться, я совсем замерз!
Враги сожгли мою родную хату.

Перекрестившись истинным крестом,
Ты молча мне подвинешь табуретку,
И самовар ты выставишь на стол
На чистую крахмальную салфетку.

И калачи достанешь из печи,
С ухватом длинным управляясь ловко.
Пойдешь в чулан — забрякают ключи,
Вернешься со своей заветной поллитровкой.

Я поиграю на твоей гармонии —
Рвану твою трехрядку от души.
— Чего сидишь, как будто на иконе?
А ну, давай, пляши, пляши, пляши!

Когда закружит мои мысли хмель
И „День Победы“ я не доиграю,
Тогда уложишь ты меня в постель,
Потом сама тихонько ляжешь с краю.

А через час я отвернусь к стене.
Пробормочу с ухмылкой виноватой:
— Я не солдат. Зачем ты веришь мне?
Я все наврал — цела родная хата.

И в ней есть все — часы и пылесос,
И в ней вполне достаточно уютно.
Я обманул тебя. Я вовсе не замерз:
Да тут ходьбы всего на три минуты.

Известна цель визита моего —
Чтоб переспать с соседкою-вдовою.
А ты ответишь: — Это ничего...
И тихо покачаешь головою.

И вот тогда я кой-чего пойму
И кой о чем серьезно пожалею.
И я тебя покрепче обниму
И буду греть тебя, пока не отогрею.

Да, я тебя покрепче обниму
И стану сыном, мужем, сватом, братом.
Ведь человеку трудно одному,
Когда враги сожгли родную хату.

ВЕРКА, НАДЬКА И ЛЮБКА

Когда дважды два было только четыре,
Я жил в небольшой коммунальной квартире.
Работал с горшком, и ночник мне светил,
Но я был дурак и за свет не платил.

Я грыз те же книжки с чайком вместо сушки,
Мечтал застрелиться при всех из Царь-пушки,
Ломал свою голову в виде подушки.
Эх, верхки-корешки! От горшка до макушки
Обычный крестовый дурак.
— Твой ход, — из болот зазывали лягушки.
Я пятился задом, как рак.

Я пил проявитель, я пил закрепитель,
Квартиру с утра превращал в вырезвитель,
Но не утонул ни в стакане, ни в кубке.
Как шило в мешке — два смешка, три насмешки —
Набитый дурак, я смешал в своей трубке
И разом в орла превратился из решки.
И душу с душком, словно тело в тележке,
Катал я и золотом правил орешки,
Но чем-то понравился Любке.

Муку через муку поэты рифмуют.
Она показала, где раки зимуют.
Хоть дело порой доходило до драки —
Я Любку люблю! А подробности — враки.
Она даже верила в это сама.
Мы жили в то время в холерном бараке —
Холерой считалась зима.

И Верка-портниха сняла с Любки мерку —
Хотел я ей на зиму шубу пошить.
Но вдруг оказалось, что шуба — на Верку.
Я ей предложил вместе с нами пожить.

И в картах она разбиралась не в меру —
Ходила с ума эта самая Вера.
Очнулась зима и прогнала холеру.
Короче стал список ночей.
Да Вера была и простой и понятной.
И снегом засыпала белые пятна.
Взяла агитацией в корне наглядной
И воском от тысяч свечей.

И шило в мешке мы пустили на мыло.
Святою водой наш барак затопило.
Намылились мы, но святая вода
На метр из святого и твердого льда.

И Вера из шубы скроила одьяло.
В нем дырка была — прямо так и сияла.
Закутавшись в дырку, легли на кровать
И стали, как раки, втроем зимовать.

Но воду почуяв — да сном или духом —
В матросской тельняшке явилась Надюха.
Я с нею давно грешным делом матросил
Два раза матросил — да струсил и бросил.

Не так молода, но совсем не старуха,
Разбила паркеты из синего льда.
Зашла навсегда попрощаться Надюха,
Да так и осталась у нас навсегда.

Мы прожили зиму активно и дружно.
И главное дело — нам было не скучно,
И кто чем богат, тому все были рады.
Но все-таки просто визжали они,
Когда рядом с ритмами советской эстрады
Я сам, наконец, взял гитару в клешни.

Не твистом свистел мой овраг на горе.
Я все отдавал из того, что дано.
И мозг головной вырезал на коре:
Надежда плюс Вера плюс Люба
плюс тетя Сережа плюс дядя Наташа —
Короче, не все ли равно.

Я пел это в темном холодном бараке
И он превращался в обычный дворец.
Так вот что весной поделывают раки!
И тут оказалось, что я — рак-отец.

Сажу в своем теле, как будто в вулкане.
Налейте мне свету из дырки окна!
Три грации, словно три грани в стакане,
Три грани в стакане, три разных мамани,
три разных мамани, а дочка одна.

Но следствия нет без особых причин.
Тем более, вроде не дочка, а сын.
А может, не сын, а может быть — брат,
Сестра или мать, или сам я — отец,
А может быть весь первомайский парад,
А может быть город весь наш — Ленинград...

Светает. Гадаю и наоборот.
А может быть — весь наш советский народ.
А может быть, в люльке вся наша страна!
Давайте придумывать ей имена.

ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ РОМАН

Часы остановились в час.
Как скучно нам лежать в постели.
Как жаль, что наше „Ркацители“
Нас не спасает в этот раз.

Скрипит пружинами диван.
В углу опять скребутся мыши.
Давай очнемся и вдвоем напишем
Трагикомический роман.

Давай придумаем сюжет,
В котором нам найдется место,
В котором можно будет интересно
Прожить хотя бы пару лет.

Я буду к зависти толпы
Тебя любить любовью страстной,
Когда исчезнет мой проклятый насморк,
А также скука и клопы.

На океанских берегах
Для нас пристанище найдется,
И нам с тобою больше не придется
Все время думать о деньгах.

Не будем думать о вине,
Не будем печь топить дровами,
А будем там дружить с медведями и львами,
Забыв о будущей войне.

Ведь нет границ у странных стран.
И наши перья мы не сложим.
Тьмы низких истин, как всегда, дороже
Нас возвышающий роман.

Итак, мы пишем наш роман,
Творим немислимое чудо...
А на невытую посуду
Ползет усатый таракан.

СЛЕТ-СИМПОЗИУМ

Куда с добром деваться нам в границах нашей области?
У нас четыре Франции, семь Бельгий и Тибет.
У нас есть место подвигу. У нас есть место доблести.
Лишь лодырю с бездельником у нас тут места нет.

А так — какие новости? Тем более сенсации...
С террором и вулканами здесь все наоборот.
Прополка, культивация, мели-мели-орация,
Конечно, демонстрации. Но те — два раза в год.

Но все же, доложу я вам без преувеличения,
Как подчеркнул в докладе сам товарищ Пердунов,
Событием высокого культурного значения
Стал пятый слет-симпозиум районных городов.

Президиум украшен был солидными райцентрами —
Сморкаль, Дубинка, Грязовец и Верхний Самосер.
Эх, сумма показателей с высокими процентами!
Уверенные лидеры, опора и пример.

Тянулись Стельки, Чагода. Поселок в ногу с городом —
Угрюм, Бубли, Кургузово, потом — Семипердов.
Чесалась Усть-Тимоница. Залупинск гладил бороду.
Ну, в общем, много было древних, всем известных городов.

Корма — забота общая. Доклад — задача длинная.
Удои с дисциплиною, корма и вновь корма.
Пошла чесать губерния. Эх, мать моя, целинная!
Как вдруг — конвертик с буквами нерусского письма.

Президиум шушукался. Сложилась точка зрения:
— Депеша эта — с Запада. Тут бдительность нужна.
Вот в Тимонице построен институт слюноварения.
Она — товарищ грамотный и в аглицком сильна...

— С поклоном обращается к вам тетушка Ойропа
И опосля собрания зовет на завтрак к ней.
— Товарищи, спокойнее! Прошу оставить ропот!
Никто из нас не завтракал — у нас дела важней.

Ответим с дипломатией — мол, очень благодарные,
Мол, ценим, и так далее, но, так сказать, зер гут.
Такие в нашей области дела идут ударные,
Что даже в виде исключения не вырвать пять минут.

И вновь пошли нацеливать на новые свершения.
Была повестка муторной, как овсяной кисель.
Вдруг телеграмма: „Бью челом! Примите приглашение
Давайте пообедаем. Для вас накрыт Брюссель.“

Повисло напряженное, гнетущее молчание.
В такой момент — не рыпайся, а лучше — не дыши!
И вдруг оно прорезалось — голодное урчание
В слепой кишке у маленького города Шиши!

Бедняга сам сконфузился. В лопатки дует холодом.
А между тем урчание все громче, все сочней.
— Позор ему — приспешнику предательского голода!
Никто из нас не завтракал — дела для нас важней!

— Товарищи, спокойнее! Ответим с дипломатией!
Но ярость благородная вскипала, как волна.
— Ту вашу дипломатию в упор к отцу и матери! —
Кричала с места станция Октябрьская Весна.

— Ответим по-рабочему. Чего нам церемониться?
Мол, на корню видали мы буржуйские харчи! —
Так заявила грамотный товарищ Усть-Тимоница
И хором поддержали ее Малые Прыщи.

Трибуну отодвинули и распалили прения,
Хлебали предложения, как болтанку с пирогом.
Объявлен был упадочным процесс пищеварения,
А сам Шиши — матерым, но подсознательным врагом.

— Пущай он, гад, подавится Иудиными корками!
Чужой жратвы не надобно. Пусть нет — зато своя!
Кто хочет много сахару — тому дорога к Горькому!
А тем, кто с аппетитами — положена статья.

И населенный пункт тридцать седьмого километра
Шептал соседу радостно: — К стене его! К стене!
Он опытный и искренний поклонник стиля „ретро“,
Давно привыкший истину искать в чужой вине.

И диссидент Шиши горел красивым синим пламенем.
— Ату его, вредителя! Руби его сплеча!
И был он цвета одного с переходящим знаменем,
Когда ему товарищи слепили строгача.

А впрочем, мы одна семья — единая, здоровая.
Эх, удаль конармейская ворочает столпы!
Президиум — „Столичную“, а первый ряд — „Зубровую“,
А задние — чем бог послал, из репы и свеклы.

Потом по пьяной лавочке пошли по главной улице.
Ругались, пели, плакали и скрылись в черной мгле.

В Мадриде стыли соусы,
В Париже сдохли устрицы
И безнадежно таяло в Брюсселе крем-брюле.

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

В рабочий полдень я проснулся стоя —
Опять матрас попутал со стеной.
Я в одиночку вышел из запоя,
Но — вот те на! — сегодня выходной.

И время шло не шатко и не валко.
Горел на кухне ливерный пирог.
Скрипел мирок хрущевки-коммуналки
И шлепанцы мурлыкали у ног.

Сосед Бурштейн стыдливо бил соседку —
Мы с ней ему наставили рога.
Я здесь ни с кем бы не пошел в разведку.
Мне не с кем выйти в логово врага.

Один сварил себе стальные двери,
Другой стишки кропает до утра.
Я одинок. Я никому не верю.
Да, впрочем, видит бог, не велика потеря
Весь ихний брат и ихняя сестра.

Экран — а в нем с утра звенят коньки.
В хоккее играют настоящие мужчины.
По радио поют, что нет причины для тоски.
И в этом ее главная причина.

В „Труде“ сенсационная заметка
О том, что до сих пор шумит тайга.
А мне до боли хочется в разведку
Уйти и не вернуться в эту клетку.
Уйти, в чем есть, в глубокий тыл врага.

Из братских стран мне сообщает пресса:
Поляки оправляются от стресса,
Прижат к ногтю вредитель Лех Валенса,
Мечтавший всю Варшаву отравить.

Да, не все еще врубилась в суть прогресса
И в трех соснах порой не видят леса.
Бряцает амуницией агрессор,
Но ТАСС уполномочен заявить:

„Тяжелый смог окутал Вашингтон.
Невесело живется без работы
В хваленых джунглях каменной свободы,
Где правят ЦРУ и Пентагон.

Среди капиталистов этих стран
Растет угар военного психоза.
Они пугают красною угрозой
Обманутых рабочих и крестьян.

А Рейган — вор, ковбой и педераст —
Поставил мир на ядерную карту".
Тревожно мне. Кусаю свой матрас.
Дрожу, как СС-20 перед стартом.

Окончился хоккей. Пошли стрекозы.
А по второй насилуют кларнет.
Да как же можно? Ведь висит угроза!
И ничего страшней угрозы нет!

Да, вовремя я вышел из запоя.
Не отдадим родимой Костромы!
Любимый город может спать спокойно
И мирно зеленеть среди зимы.

Буденовку напялю на затылок.
Да я ль не патриот, хотя и пью?
В Фонд мира сдам мешок пустых бутылок
И из матраса парашют скрою.

Возьму аванс, куплю себе билет
На первый рейс до Западной Европы.
В квадрате Гамбурга — пардон, я в туалет! —
Рвану кольцо и размотаю стропы.

Пройду, как рысь, от Алып и до Онеги
Тропою партизанских автострад.
Все под откос — трамваи и телеги.
Не забывайте, падлы, Сталинград!

Пересчитайте все штыки и пушки.
Пускай раскрыт мой корешок-связной —
Я по-пластунски обхожу ловушки
И выхожу в эфир любой ценой.

Я щит и меч родной страны Советов!
Пока меня успеют обложить —
Переломаю крылья всем ракетам,
Чтоб на Большую землю доложить:

Мол, вышел пролетарский кукиш Бонну.
Скажите маме — НАТО на хвосте!
Ваш сын дерется до последнего патрона
На вражьей безымянной высоте.

Хочу с гранатой прыгнуть под колеса,
Но зная части проглотить успеть,
Потом молчать на пытках и допросах,
А перед смертью — про Катюшу спеть.

Бодун крепчал. Пора принять таблетку.
В ушах пищал секретный позывной.
По выходным так хочется в разведку...
Айда, ребята! Кто из вас со мной?

ГРИБОЕДОВСКИЙ ВАЛЬС

В отдаленном совхозе „Победа“
Был потрепанный старенький „ЗИЛ“,
А при нем был Степан Грибоедов,
И на ЗИЛе он воду возил.

Он справлялся с работой отлично.
Был по обыкновению пьян.
Словом, был человеком обычным
Водовоз Грибоедов Степан.

После бани он бегал на танцы,
Так и щупал бы баб до сих пор,
Но случился в деревне с сеансом
Выдающийся гипнотизер.

На заплеванной маленькой сцене
Он буквально творил чудеса.
Но мужики выражали сомненье
И таращили бабы глаза.

Он над темным народом смеялся.
И тогда, чтоб проверить обман,
Из последнего ряда поднялся
Водовоз Грибоедов Степан.

Он спокойно вошел на эстраду
И мгновенно он был поражен
Гипнотическим опытным взглядом,
Точно финским точеным ножом.

И поплыли знакомые лица,
И приснился невиданный сон:
Видит он небо Аустерлица...
Он не Степка, а Наполеон!

*Он увидел свои эскадроны,
Он услышал раскаты стрельбы,
Он заметил чужие знамена
В окуляре подзорной трубы.*

*Но он легко оценил положение
И движением властной руки
Дал приказ о начале сраженья
И направил в атаку полки.*

*Опаленный горячим азартом,
Он лупил в полковой барабан.
Был неистовым он Бонапартом
Водовоз Грибоедов Степан.*

*Пели ядра, и в пламени битвы
Доставалось своим и врагам.
Он плевался словами молитвы
Незнакомым французским богам.*

*Вот и все. Бой окончен. Победа!
Враг повержен. Гвардейцы, шабаш!
Покачнулся Степан Грибоедов
И слетела минутная блажь.*

На заплеванной сцене райклуба
Он стоял, как стоял до сих пор,
А над ним скалил желтые зубы
Выдающийся гипнотизер.

Он домой возвратился под вечер
И глушил самогон до утра.
Всюду чудился запах картечи
И повсюду кричали „Ура!“

Спохватились о нем только в среду.
Дверь взломали и в хату вошли,
А на них водовоз Грибоедов
Улыбаясь глядел из петли.

Он смотрел голубыми глазами.
Треуголка упала из рук.
И на нем был залитый слезами
Императорский серый сюртук.

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться.
Лули чертовку сгоряча.
Душа обязана трудиться
На производстве кирпича.

Ликует люд в трамвае тесном.
Танцует трудовой народ.
Мороз и солнце — день чудесный
Для фрезеровочных работ.

В огне тревог и в дни ненастья
Гори, гори, моя звезда!
Звезда пленительного счастья —
Звезда героя соцтруда.

Решил партком единогласно
Воспламениться и гореть.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не мореплаватель, не плотник,
Не академик, не герой —
Иван Кузьмич — ответственный работник.
Он заслужил почетный геморрой.

Его пример — другим наука.
Век при дворе. И сам немного царь.
Так, черт возьми, всегда к твоим услугам
Аптека, улица, фонарь.

Он был глашатай поколений.
Куда бы он не убегал,
За ним повсюду бедный Ленин
С тяжелой кепкою шагал.

Как славно выйти в чисто поле
И крикнуть там: —..... мать!
Мы кузнецы. Чего же боле?
Что можем мы еще сказать?

Когда душа мокра от пота,
Ей некогда ни думать, ни страдать.
Но у народа нет плохой работы.
И каждая работа — благодать.

Не позволяй душе лениться
В республике свободного труда.
Твоя душа всегда обязана трудиться,
А паразиты — никогда!

Хотел в Алма-Ату — приехал в Воркуту.
Строгал себе лапту, а записали в хор.
Хотелось „Беломор” — в продаже только „ТУ”.
Хотелось телескоп, а выдали топор.

Хотелось закурить, но здесь запрещено.
Хотелось закирять, но высохло вино.
Хотелось объяснить — сломали два ребра.
Пытался возразить, но били мастера.

Хотелось одному — приходится втроем.
Надеялся уснуть — командуют „Подъем!”
Плюю в лицо слуге по имени народ.
Мне нравится БГ, а не наоборот.

Хотелось полететь — приходится ползти.
Старался доползти. Застрял на полпути.
Ворочаюсь в грязи. А если встать, пойти? —
За это мне грозят от года до пяти.

Хотелось закричать — приказано молчать.
Попробовал ворчать, но могут настучать.
Хотелось озвереть. Кусаться и рычать.
Пытался умереть — успели откачать.

Могли и не успеть. Спасибо главврачу
За то, что ничего теперь хотеть я не хочу.
Психически здоров. Отвык и пить и есть.
Спасибо. Башлачев. Палата номер шесть.

ДЫМ КОРОМЫСЛОМ

Голоден стыд. Сыт азарт.
Динамит да фитиль вам в зад!
Сырые спички рядятся в черный дым.
Через час — бардак. Через два — бедлам.
На рассвете храм разлетится в хлам.
Но мы не носим часы.
Мы не хотим умирать.
И поэтому даже не спим.

А когда не хватает сил,
Воруем сахар с чужих могил
И в кровь с кипятком
Выжимаем лимон греха.
И дырявые ведра заводят песни
О святой воде и своих болезнях.
Но — слава Богу! — все это исчезнет
С первым криком петуха.

Дым. Дым коромыслом!
Дым над нами повис.
Лампада погасла.
И в лужице масла
плавает птичий пух.
Дым. Дым коромыслом!
Дым. Дым коромыслом!
Дай нам Бог понять
все, что сплет петух.

В новостройках — ящиках стеклотары —
Задыхаемся от угара
Под вой патрульных сирен в трубе,
В танце синих углей.
Кто там — ангелы или призраки?
Мы берем еду из любой руки.
Мы не можем идти,
Потому, что дерьмо
После этой еды как клей.

Дым. Дым коромыслом.
Дым. Дым коромыслом.
Музыкант по-прежнему слеп.
Снайпер все так же глух.
Дым. Дым коромыслом.
Дым. Дым коромыслом.
Дай Бог нам понять
все, что сплет петух.

Ох, безрыбье в речушке, которую кот наплакал!
Сегодня любая лягушка становится раком.
И, сунув два пальца в рот,
Свистит на Лысой горе.
Сорви паутину! Здесь что-то не чисто!
Но штыками в спину — колючие числа,
И рев моторов в буксующем календаре.

И дым. Дым коромыслом.
Дым коромыслом.
Дым.

ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

Хочется пить,
Но в колодцах замерзла вода.
Черные, черные дыры.
Из них не напиться.
Мы вязли в песке,
Потом скользнули по лезвию льда.
Потом потеряли сознание и рукавицы.

Мы строили замок, а выстроили сортир.
Ошибка в проекте. Но нам, как всегда, видней.
Пускай эта ночь сошьет мне
 лиловый мундир —
Я стану хранителем Времени Сбора Камней.

Я вижу черные дыры.
Холодный свет.
Черные дыры.
Смотри — от нас остались черные дыры.
Нас больше нет.
Есть только черные дыры.

Хорошие парни, но с ними не по пути.
Нет смысла идти, если главное — не упасть.
Я знаю, что я никогда не смогу найти
Все то, что, наверное, можно легко украсть.

Но я с малых лет не умею стоять в строю.
Меня сплит солнце, когда я смотрю на флаг.
И мне надоело протягивать вам свою
Открытую руку, чтоб снова пожать кулак.

Я вижу черные дыры.
Холодный свет.
Черные дыры.
Смотри — от нас остались черные дыры...
Нас больше нет.
Есть только черные дыры.

Я снова смотрю, как сгорает дуга моста.
Последние волки бегут от меня в Тамбов.
Я новые краски хотел сберечь для холста,
А выкрасил ими ряды пограничных столбов.

Чужие шаги, стук копыт или скрип колес —
Ничто не смутит территорию тишины.
Отныне любой обращенный ко мне вопрос
Я буду расценивать как объявление войны.

Я вижу черные дыры.
Холодный свет.
Черные дыры...
Смотри — от нас остались черные дыры.
Нас больше нет.
Есть только черные дыры.

ЧАС ПРИЛИВА

Час прилива пробил.
Разбежались и нырнули.
Кто сумел — тот уплыл.
Остальные утонули.
А мы с тобой отползли
И легли на мели.
Мы в почетном карауле.

Мы никому не нужны,
И не ищет никто нас.
Плеск вчерашней волны
Повышает общий тонус.
У нас есть время поплевать в облака.
У нас есть время повалить дурака
Под пластинку „Роллинг Стоунз“.

Безнадежно глупа
Затяга плыть и выплыть первым.
А мы свои черепа
Открываем, как консервы.
На песке расплозились
И червями сплелись
Мысли, волосы и нервы.

Это — мертвый сезон.
Это все, что нам осталось.
Летаргический сон
Унизителен, как старость.
Пять копеек за цент —
Я уже импотент.
А это больше, чем усталость.

Девяносто заплат.
Блю-джинс добела истерты.
А наших скромных зарплат
Хватит только на аборт.
Но, как прежде, звенят
И как прежде пьянят
Примитивные аккорды.

Час прилива пробил,
Разбежались и нырнули.
Кто умел — тот уплыл.
Остальные — утонули.
А мы с тобой отползли
И легли на мели.
Мы в почетном карауле.

ПОЕЗД

Нет времени, чтобы себя обмануть.
И нет ничего, чтобы просто уснуть.
И нет никого, чтобы просто нажать на курок.
Моя голова — перекресток железных дорог.

Есть целое небо, но нечем дышать.
Здесь тесно, но я не пытаюсь бежать.
Я прочно запутался в сетке ошибочных строк.
Моя голова — перекресток железных дорог.

Нарушены правила в нашей игре.
И я повис на телефонном шнуре.
Смотрите, сегодня петля на плечах палача.
Скажи мне — прощай, помолись и скорее кончай.

Минута считалась за несколько лет,
Но ты мне купила обратный билет,
И вот уже ты мне приносишь заваренный чай.

С него начинается мертвый сезон.
Шесть твоих цифр помнит мой телефон,
Хотя он давно помешался на длинных гудках...
Нам нужно молчать, стиснув зубы до боли в висках.

Фильтр сигареты испачкан в крови.
Я еду по минному полю любви.
Хочу каждый день умирать у тебя на руках.
Мне нужно хоть раз умереть у тебя на руках.

Любовь — это слово похоже на ложь.
Пришитая к коже дешевая брошь.
Прицепленный к жестким вагонам вагон-ресторан.
И даже любовь не поможет сорвать стоп-кран.

Любовь — режиссер с удивленным лицом,
Снимающий фильмы с печальным концом.
А нам все равно так хотелось смотреть на экран.

Любовь — это мой заколдованный дом.
И двое, что все еще спят там вдвоем.
На улице Сакко-Ванцетти мой дом двадцать два.
Они еще спят, но они еще помнят слова.

Их ловит безумный ночной телеграф.
Любовь — это то, в чем я прав и не прав.
И только любовь дает мне на это права.

Любовь — как куранты отставших часов.
И стойкая боязнь чужих адресов.
Любовь — это солнце, которое видит закат.
Любовь — это я, твой неизвестный солдат.

Любовь — это снег и глухая стена.
Любовь — это несколько капель вина.
Любовь — это поезд „Свердловск—Ленинград“ и назад.
Любовь — это поезд сюда и назад.

Нет времени, чтобы себя обмануть.
И нет ничего, чтобы просто уснуть.
И нет никого, кто способен нажать на курок.
Моя голова — перекресток железных дорог.

ПЕСЕНКА НА ЛЕСЕНКЕ

Хочешь, я спою тебе песенку
Как мы вчетвером шли на лесенку?
Митенька с Сереженькой шли в краях,
А в середине Настенька шла да я.

Впереди себя бежал
вверх по лесенке
И такие пел песни-песенки.
И такие пел
песни-песенки.

— Не ворчи, Сереженька, не ворчи!
Ухавшь, как филин в глухой ночи.
Да не ной, Сереженька, ох, не ной —
Холодно зимой — хорошо весной!

— Да я не ною, Сашенька, не ворчу.
Да может быть я, Сашенька, спеть хочу.
Силушку в руках нелегко согнуть,
А вот песенку пока что не вытянуть.

Да помнится, ты, Саша, ох, как сам скрипел,
Прежде, чем запел, прежде, чем запел.

Я бегу с тобою по лесенке,
Даже может фору в ногу даю!
Только, может быть, твоя песенка
Помешает мне услышать свою.

Так бежали мы, бежали
вверх по лесенке
И ловили мы песни-песенки.
И ловили мы
песни-песенки.

— Ой, не спи ты, Митенька, не зевай.
Делай шире шаг да не отставай.
Не бойсь ты, Митенька, не бойсь!
Покажи нам, Митенька, чем ты любишь жизнь.

— Да не сплю я, Сашенька, не боюсь!
Да только как прольюсь, сей же час споткнусь.
Я ж наоборот — хорошо пою,
Да ногами вот еле топаю.

Да помнится ты, Саша, когда сам вставал,
На карачках полз да слабину давал.
А теперь с тобою куда дойдешь?
Жмешь себе вперед, никого не ждешь.

Так бежали мы, бежали
вверх по лесенке,
На плечах несли песни-песенки.
На плечах несли
песни-песенки.

— Ой, не плачь ты, Настенька, не грусти,
В девках все равно себя не спасти.
Вяжет грудь веревкою грусть-тоска ...
А ты люби хорошего мужика!

Все — как трижды два, значит — глупости.
А в девках все равно себя не спасти.
Все вокруг груди, как вокруг стола.
Да какие ж, Настя, важней дела?

— Да я не плачу, Сашенька, не грущу,
Да тоску-занозу не вытащу.
А мне от тоски хоть рядись в петлю.
Что мне мужики? Я тебя люблю.

Да я б вокруг стола танцевать пошла,
Да без тебя никак не идут дела.
Сколько ж мне лет куковать одной?
Душу мне до дыр ты пропел, родной.

Так бежали мы, бежали
вверх по лесенке.
Да только как теперь допеть эту песенку?

А зачем допеть? Пел бы без конца.
Без меня ж тебе не спрыгнуть, не выбраться.
Ты же, брат, ко мне

на всю жизнь зашел.
Знаешь сам, что все
будет хорошо.

Как по лезвию
лезем лесенкой

За неспетою
песней-песенкой,

Да как по лезвию
лезем лесенкой

За неспетою песней-песенкой.

КОГДА МЫ ВДВОЕМ

Когда мы вдвоем
Я не помню, не помню, не помню о том,
На каком мы находимся свете.
Всяк на своем.
Но я не боюсь измениться в лице,
Измениться в твоём
Бесконечно прекрасном лице.
Мы редко поем.
Мы редко поем,
Но когда мы поем, поднимается ветер
И дразнит крылом...
Я уже на крыльце.

Хоть смерть меня смерть
Да хоть держись меня, жизнь —
Я позвал сюда Гром —
Вышли смута, апрель и гроза.
Ты только поверь —
Если нам тяжело, не могло быть иначе.
Тогда почему, почему кто-то плачет?
Оставь воду цветам,
Возьми мои глаза.

Поверь — ты поймешь,
Как мне трудно раздеться
Когда тебя нет.
Когда некуда, некуда, некуда деться...
Поверь — и поймешь
То, что я никогда,
Никогда уже не смогу наглядеться
Туда, где мы могли бы согреться,
Когда будет осень,
И осень гвоздями вколотит нас в дрожь.

Пойми — ты простишь,
Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума,
Побегу по бумаге я
Этот путь длиною в строку — да строка коротка,
Строка коротка.
Ты же любишь сама,
Когда губы огнем лижет магия,
Когда губы огнем
Лижет магия языка.

Прости — и возьмешь
И возьмешь на ладонь мой огонь
И все то, в чем я странно замешан,
Замешано густо.
Раз так — я как раз и люблю.
Ох, вольно́ кобелю!
Да рубил бы я сук,
Я рубил бы все сук, на которых повешен,
Но чем больше срублю,
Тем сильнее затяну петлю.

Я проклят собой.
Осиновым клином живое, живое,
Живое восстало в груди.
Все в царапинах да в бубенцах!
Имеющий душу – да дышит! Гори – не губи...
Сожженной губой я шепчу,
Что, мол, я сгоряча, я в сердцах –
А в сердцах – да я весь, я в сердцах.
И каждое бьется об лед, но поет.
Так любовь бери и люби,
Бери и люби.

Не держись моя жизнь –
Смертью после измеришь.
И я пропаду ни за грош,
Потому что и мне ближе к телу сума.
Так проще знать честь.
И мне пора,
Мне пора уходить следом песни, которой ты веришь...
Увидимся утром –
Тогда ты поймешь все сама.

Сядем рядом. Ляжем ближе,
Да прижмемся белыми заплатами к дырявому мешку.
Строгим ладом.
Тише, тише.
Мы переберем все струны да по зернышку.

Перегудом, перебором
Да я за разговорами не разберусь,
Где Русь, где грусть.
Нас забудут — да не скоро.
А когда забудут, я опять вернусь.

Будет время — я напомню,
Как все было скроено, да все опять перекрою.
Только верь мне, только пой мне.
Только пой мне, милая, — я подпою.

Нить, как волос.
Жить, как колос.
Размолотит колос в дух и прах один цепной удар.
Я все знаю. Дай мне голос
И я любой удар приму, как твой великий дар.

Тот, кто рубит сам дорогу,
Не кузнец, не плотник ты,
Да все одно — поэт;
Тот, кто любит — да не к сроку,
Тот, кто исповедует, да сам того не ведает.

Но я — в ударе. Жмут ладони,
Все хлопочут бедные...
Да где ж им удержать зерно в горстях.
На гитаре, на гармонии,
На полене сучьем, на своих костях.

Злом да ласкою, да грехами
Растяни меня ты, растяни, как буйные меха!
Пропадаю с потрохами,
А куда мне, к лешему, потроха.

Но завтра — утро. Все сначала.
Заплетать на тонких пальцах недотрогу-нить.
Чтоб кому-то полегчало.
Да разреши, пожалуйста, я сумел бы все на пальцах объяснить.

Тем, кто мукой — да не мукою,
Все приметы засыпает. Засыпает на ходу
Слезы с луком.
Ведь подать рукою —
И погладишь в небе свою заново рожденную звезду.

Ту, что рядом. Ту, что выше,
Чем на колокольне звонкий звон.
Да где он? Все темно.
Ясным взглядом
Ближе, ближе...
Глянь в окно — да вот оно рассыпано твое зерно.

Выше окон, выше крыши.
Ну, чего ты ждешь? Иди смелей, лети еще, еще.
Что, высоко? Ближе. Ближе.
Ну, вот уже тепло. Ты чувствуешь, как горячо?

КОГДА МЫ ВМЕСТЕ

Добрым полем, синим лугом,
все опушкою да кругом,
все опушкою-межою мимо ям да по краям

И будь, что будет,
Забудь, что будет, отродясь
Я воли не давал ручьям...
Да что ты, князь? Да что ты брюхом ищешь грязь?

Рядил в потемки белый свет,
Блудил в долгу да красил мятежом.
Ой-й-й, да перед носом ясный след
И я не смог,
не смог ударить в грязь ножом.

Да наши песни нам ли выбирать?
Сбылось насквозь.
Да как не ворожить?
Когда мы вместе — нам не страшно умирать.
Когда мы врозь — мне страшно жить.

Целовало меня Лихо, только надвое разрежало язык.
Намотай на ус,
Намотай на ус — на волос,
заввени не в бусы — в голос,
Нить — не жила, не кишка
да не рвется, хоть тонка.

А приглядишь —
да за Лихом — Лик,
за Лихом — Лик,
Все святые пущены с молотка.

Да не поднять крыла
Да коли песня зла.
Судя по всему, это все по мне,
Все по мне,
Да мне мила стрела
Белая каленая в колчане.

Наряжу стрелу вороним пером
Да пока не грянул Гром — отпущу
Да стены выверну углом.
Провалиться мне на месте, если с места не сойти.
Давай, я стану помелом! Садись, лети!

Да ты не бойся раскружить!
Не бойся обороты брать!
Когда мы врозь — не страшно жить.
Когда мы вместе — нам не страшно умирать.

Забудь, что будет,
И в ручей мой наудачу брось пятак.
Когда мы вместе — все наши вести в том, что есть
Мы можем многое не так.

Небеса в решете,
роса на липовом листе,
и все русалки о серебряном хвосте
ведут по кругу нашу честь.

Ой да луна не приходит одна.
Прикажи — да разом сладким языком в оладьях.
И прикажешь языком молоть — молю.
Молю о том, что все в твоих ручьях
Пусть будет так!
Пусть будет так!
Пусть будет так, как я люблю!

И в доброй вести не пристало врать.
Мой крест — знак действия, чтоб голову сложить
За то, что рано умирать,
За то, что очень славно жить,
За то, что рано умирать,
За то, что очень нужно жить.

ВИШНЯ

В поле вишенка одна
ветерку кивает.
Ходит юная княжна,
тихо напевает:
 Что-то князя не видать,
 песенки не слышно.
Я его устала ждать,
замерзает вишня.

В поле снег да тишина.
Сказку прячет книжка.
Веселей гляди, княжна!
Да не будь трусишкой.
 Темной ночью до утра
 звезды светят ясно.
Жизнь — веселая игра.
А игра прекрасна!

Будь смела и будь нежна
даже с волком в поле.
Только радуйся, княжна,
солнышку и воле.
 Будь свободна и люби
 все, что сердцу мило.
Только вишню не руби —
в ней святая сила.

Пусть весна нарядит двор
в яркие одежды.
Все, что будет до тех пор,
назовем надеждой.
 Нам ли плакать и страдать,
 открывая двери?
Свету теплого луча
верят даже звери.

Всех на свете обними —
и осилишь стужу.
Люди станут добрыми,
слыша твою душу.
 И войдет в твой терем князь,
 сядет к изголовью —
Все, что будет всякий раз,
назовешь любовью.

Всем дается по душе,
всем на белом свете.
В каждом добром мальчише,
в женщинах и детях.
Эта песенка слышна,
и поет Всевышний...
Начинается весна,
расцветает вишня.

СПРОСИ, ЗВЕЗДА

Ой-эй-эй, спроси меня, ясная звезда,
Не скучно ли долбить толоконные лбы?
Я мету сор новых песен

из старой избы.

Отбивая поклоны, мне хочется встать на дыбы.
Но там — только небо

в кольчуге из синего льда.

Ой-эй-эй, спроси меня, ясная звезда,
Не скучно ли все время вычесывать блох?
Я молюсь, став коленями на горох.
Меня слышит бог и Никола-Лесная вода.
Но сабля ручья

спит в ножнах из синего льда.

Каждому времени — свои ордена.
Но дайте же каждому валенку свой фасон!
Я сам знаю тысячу реальных потех,
Но я боюсь сна

из тех, что на все времена.

Звезда! Я люблю колокольный звон...

С земли по воде сквозь огонь в небеса

звон...

Ой-эй-эй, спроси, звезда,

да скоро ли сам усну,

Отлив себе шлем из синего льда?

Белым зерном меня кормила зима

Там, где сойти с ума не сложнее,

чем порвать струну.

Звезда, зачем мы вошли сюда?

Мы пришли, чтобы разбить эти латы из синего льда.

Мы пришли, чтобы раскрыть эти ножны из синего льда.

Мы сгорим на экранах из синего льда.

Мы украсим их шлемы из синего льда.

И мы станем их скипетром из синего льда.

Ой-эй-эй, спроси меня, ясная звезда...

Ой-эй-эй, спаси меня, ясная звезда...

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

Как из золота ведра каждый брал своим ковшом.
Все будет хорошо,
Ты только не пролей.
Страшно, страшно,
А ты гляди смелей,
Гляди да веселей.

Как из золота зерне каждый брал на каравай.
Все будет хорошо.
Велика казна,
Только, только
Ты только не зевай, бери да раздавай.

Но что-то белый снег в крови,
Да что-то ветер за спиной;
Всем сестрам — по любви...
Ты только будь со мной
Да только ты живи.

Только не бывать пугу
Ой да месту святу:
Всем братьям — по кресту виноватому.
Только, только подмоги не проси,
Прими и донеси.

И поутру споет трубач
Песенку твоей души.
Все будет хорошо —
Только ты не плачь.
Скоро, скоро,
Ты только не спеши,
Ты только не спеши...

ЕГОРКИНА БЫЛИНА

Как горят костры у Шексны-реки,
Как стоят шатры бойкой ярмарки.

Дуга цыганская.
Ничего не жаль.
Отдаю свою расписную шаль.
А цены ей нет — четвертной билет.
Жалко четвертак — ну давай пятак.
Пожалел пятак — забирай за так
Расписную шаль.

Все как есть на ней гладко вышито,
Гладко вышито мелким крестиком.
Как сидит Егор в светлом тереме,
В светлом тереме с занавесками,
С яркой люстрой электрической,
На скамеечке, крытой серебром,
Шитой войлоком
Рядом с печкой белой, каменной
Важно жмурится,
Ловит жар рукой.

На печи его рвань-фуфаячка
Приспособилась,
Да приладилась дрань-ушаночка,
Да пристроились вонь-портяночки.

В светлом тереме
С занавесками да с достоинством
Ждет гостей Егор.
А гостей к нему — ровным счетом двор.
Ровным счетом — двор да три улицы.
С превеликим Вас Вашим праздничком,
И желаем Вам самочувствия,
Дорогой Егор Ермолаевич,
Гладко вышитый мелким крестиком.
Улыбается государственно,
Выпивает он да закусывает,
А с одной руки ест соленый гриб,
А с другой руки — маринованный,
А вишневый крем только слизывает,
Только слизывает сажу горькую...
Сажу липкую.

Мажет калачи —
Биты кирпичи.

Прозвенит стекло на сквозном ветру,
Да прокиснет звон в вязкой копоти,
Да подернется молодым ледком.
Проплывет луна в черном маслеце,
В зимних сумерках,
В волчьих праздниках,
Темной гибелью
Сгинет всякое дело Божие.

Там, где без суда все наказаны,
Там, где все одним жиром мазаны,
Там, где все одним миром травлены.
Да какой там мир — сплошь окраина,
Где густую грязь запасают впрок —
Набивают в рот.
Где дымится вязь беспокойных строк,
Как святой помет.
Где японский бог с нашей матерью
Повенчался общей папертью.

Образа кнутом перекрещены.

— Эй, Егорка, ты, сын затрещины!
Эх, Егор, дитя подзатыльника,
Вошь из-под ногтя — в собутыльники.

В кройке кумача с паутиною
Догорай, свеча.
Догорай, свеча — ... с полтиною!
Обколотится сыпь-испарина,
И опять Егор чистым барином
В светлом тереме,
Шитый крестиком,
Все беседует с космонавтами,
А целуется — с Терешковой,
С популярными да с актрисами —
Все с амбарными злыми крысами.

— То не просто рвань, не фуфаячка,
То душа моя несуразная
Понапрасну вся прокопченая
Нараспашку вся заключеная...
— То не просто дрань, не ушаночка,
То судьба моя лопоухая,
Вон, дырявая, болью трачена,
По чужим горбам разбатрачена.
— То не просто вонь — вонь кроماشная,
То грехи мои, драки-пьяночки, —
Говорил Егор. Брал портяночки.
Тут и вышел хор да с цыганкою,
Знаменитый хор Дома Радио
И Центрального Телевидения,
Под гуманным стал управлением.
— Вы сыграйте мне песню звонкую!
Разверните марш минометчиков!
Погадай ты мне, тварь певучая,
Очи черные, очи жгучие.
Погадай ты мне по пустой руке,
По пустой руке да по ссадинам,
По мозолям да по живым рубцам...

— Дорогой Егор Ермолаевич,
Зимогор ты наш Охламонович,
Износил ты душу
До полных дыр,
Так возьмешь за то дорогой мундир,

Генеральский чин, ватой стеганый,
С честной звездочкой да с медалями...
Изодрал судьбу, сгрыз завязочки,
Так возьмешь за то дорогой картуз
С модным козырем лакированным,
С мехом нутряным да с кокардою...
А за то, что грех стёр портяночки,
Завернешь свои пятки босые
В расписную шаль с моего плеча
Всю расшитую мелким крестиком...

Поглядел Егор на свое рваньё
И надел обмундирований...
Заплясали вдруг тени легкие,
Заскрипели вдруг петли ржавые,
Отворив замки Громом-посохом,
В белом саване
Снежна Бабушка:

— Ты, Егорушка, дурень ласковый,
Собери-ка ты мне ледяным ковшом
Да с сырой стены да с сырой спины
Капли звонкие и холодные...
— Ты подуй, Егор, в печку темную,
Пусть летит зола,
Пепел кружится,
В ледяном ковше, в сладкой лужице
Замешай живой рукой кашицу
Да накорми меня — Снежну Бабушку...

Оборвал Егор каплю-ягоду,
Через силу дул в печь угарную.
Дунул в первый раз — и исчез мундир,
Генеральский чин, ватой стеганый.
И летит зола серой мошкой
Да на пол-топтун,
Да на стол-штатун,
На горячий лоб да на сосновый гроб.
Дунул во второй — и исчез картуз
С модным козырем лакированным...
Эх, Егор, Егор! Не велик ты грош,
Не впервой ломать.
Что ж, в чем родила мать,
В том и помирать?
Дунул в третий раз — как умел, как мог,
И воскрес один яркий уголек.
И прожег насквозь расписную шаль.
Всю расшитую мелким крестиком.
И пропало все. Не горят костры,
Не стоят шатры у Шексны-реки,
Нету ярмарки.
Только черный дым тлеет ватюю.
Только мы сидим виноватые.

И Егорка здесь — он как раз в тот миг
Папирочку и прикуривал,
Опалил всю бровь спичкой сарню.
Он, собака, пьет год без месяца,
Утром мается, к ночи басится.
Да не впервой ему — оклемается,
Перебесится, перемается.
Перемается, перебесится,
И Бог даст — не повесится...
Распустила ночь черны волосы,
Голосит беда бабыим голосом,
Голосит беда бестолковая.
В небесах — звезда участковая.

Мы сидим, не спим.
Пьем шампанское.
Пьем мы за любовь
За гражданскую.

МЕЛЬНИЦА

Черный дым по крыше стелется.
Свистит под окнами.

— В пятницу да ближе к полночи
не проворонь, вези зерно на мельницу!

Черных туч котлы чугунные кипят
Да в белых трещинах шипят гадюки-молнии.

Дальний путь — канава торная.
Все через пень-колоду-кочку кувырком да поперек.

Топких мест ларцы янтарные
Да жемчуга болотные в сырой траве.

— Здравствуй, Мельник Ветер — Лютый Бес!
Ох, не иначе черти крутят твою карусель...

Цепкий глаз. Ладони скользкие.
— А ну-ка кыш! — ворье, заточки-розочки!

Что, крутят вас винты похмельные —
С утра пропитые кресты нательные?

... Жарко в комнатах натоплено.
Да мелко сыплется за ворот нехороший холодок.

— А принимай сто грамм разгонные!
У нас ковши бездонные
Да все кресты — козырные!

На мешках — собаки сонные
да бляди сытые
да мухи жирные.

А парни-то все рослые, плечистые.
Мундиры чистые. Погоны спороты.

Черный дым ползет из трубочек.
Смеется, прячется в густые бороды.

Ближе лампы. Ближе лица белье.
Да по всему видать — пропала моя голова!

Ох, потянуло, понесло, свело, смело меня
На камни жесткие, да прямо в жернова!

Тесно, братцы. Ломит-давит грудь.
Да отпустили б вы меня. Уже потешились...

Тесно, братцы... Не могу терпеть!
Да неужели не умеем мы по-доброму?

... На щеках — роса рассветная.
Да черной гарью тянет по сырой земле.

Где зерно мое? Где мельница?
Сгорело к черту все. И мыши греются в золе.

Пуст карман. Да за подкладкою
Найду я три своих последних зернышка.

Брошу в землю, брошу в борозду —
К полудню срежу три высоких колоса.

Разотру зерно ладонями

да разведу огонь
да испеку хлеба.

Преломлю хлеба румяные

да накормлю я всех
тех, кто придет сюда,
тех, кто придет сюда,
тех, кто поможет мне,
тех, кто поможет мне
рассеять черный дым,
рассеять черный дым,
рассеять черный дым...

ВЕЧНЫЙ ПОСТ

Засучи мне, Господи, рукава!
Подари мне посох на верный
путь!

Я пойду смотреть, как твоя вдова
В кулаке скрутила сухую грудь.
В кулаке скрутила сухую грудь.
Уронила кружево до зари.
Подари мне посох на верный путь!
Отнесу ей постные сухари.
Отнесу ей черные сухари.
Раскрошу да брошу до самых звезд.
Гори-гори ясно! Гори...
По Руси, по матушке — Вечный пост.

Хлебом с болью встретят златые дни.
Завернут в три шкуры да все ребром.
Не собрать гостей на твои огни.
Храни нас, Господи!
Храни, покуда не грянет Гром!

Завяжи мой глас песней на ветру!
Положи ей властью на имена!
Я пойду смотреть, как твою сестру
Кроют сваты в темную, в три бревна.
Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди да ряди в ремни.
Но сегодня вечером я тайком
Отнесу ей сердце, летящее с яблони.

Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь,
Коротки причастия на Руси.
Не суди ты нас! На Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси.
Испокон сродни черной ереси.
На клинках клялись. Пели до петли.
Да с кем ни куролесь, где ни колеси,
А живи, как есть —

в три погубели.

Как в глухом лесу плачет черный дрозд.
Как присело солнце с пустым ведром.
Русую косу правит Вечный пост.
Храни нас, Господь, покуда не грянет Гром!

Как искали искры в сыром бору.
Как писали вилами на Роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.

Но не слепишь крест, если клином клин.
Если месть — как место на звон мечом.
Если все вершины на свой аршин.
Если в том, что есть, видишь, что почем.

Но серпы в ребре да серебро в ведре
Я узрел не зря. Я — боль яблока.
Господи, смотри! Видишь? На заре
Дочь твоя ведет к роднику быка.

Молнию замолви, благослови!
Кто бы нас ни пас, Худом ли, Добром,
Вечный пост,
 умойся в моей любви!
Небо — с общину.
Все небо — с общину.
Мы празднуем первый Гром!

ИМЯ ИМЕН

Имя Имен
в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?
Имя Имен...
Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?
Врем испокон —
вродь за мелким ершом отродясь не ловилось ни брюха, ни духа!
Век да не вечер,
хотя Лихом в омут глядит битый век на мечях.
Битый век на мечях.

Вроде ни зги... Да только с легкой дуги в небе синем
опять, и опять, и опять запевае звезда.
Бой с головой затевает еще один витязь,
в упор не признавший своей головы.
Выше шаги! Велика ты, Россия, да наступать некуда.
Имя Имен ищут сбитые с толку волхвы.

Шаг из межи...
Вкривь да вкось обретаеся верная стежка-дорожка.
Сено в стогу.
Вольный ветер на красных углях ворожит Рождество.
Кровь на снегу —
земляника в январском лукошке.
Имя Имен... Сам Господь верит только в него.

А на печи разгулялся пожар — самовар да заварена каша.
Луч — не лучина на белый пуховый платок.
Небо в поклон
До земли обратим тебе, юная девица Маша!
Перекрести нас из проруби да в кипяток.

Имя Имен
не кроить пополам, не тащить по котлам,
не стемнить по углам.
Имя Имен
не урвешь, не заманишь, не съешь, не ухватишь в охапку.
Имя Имен
взято ветром и предано колоколам.
И куполам
не накинуть на Имя Имен золотую горящую шапку.
Имя Имен
Да не отмоешься, если вся кровь да как с гуся беда
и разбито корыто.

Вместо икон
станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала.
Имя Имен
вырвет с корнем все то, что до срока зарыто.
В сито времен
бросит боль да былинку, чтоб истиной к сроку взошла.

Ива да клен.

Ох, гляди, красно солнышко врежет по почкам!

Имя Имен

запрягает, да не торопясь, не спеша.

Имя Имен

запрягает, да не торопясь, не спеша.

Имя Имен

возьмет да продрает с песочком!

Разом пойдем

Как болела живая душа.

Имя Имен

Эх, налететь бы слепыми грачами на теплую пашню.

Потекло по усам. Шире рот! Да вдруг не хватит на бедный мой век

Имя Имен прозвенит золотыми ключами...

Шабаш! Всей гурьбою на башню!

Пала роса.

Пала роса.

Да сходил бы ты по воду, мил человек!

ТЕСТО

Когда злая стужа сведужила душу
И люта метель отметелила тело,
Когда опустела казна,
И сны наизнанку, и пах нараспашку, —
Да дыши во весь дух и тхни там, где тяжко —
Ворвется в затяжку весна.

Зима жмет земное. Все вести — весною.
Секундой — по векам, по пыльным сусекам
Хмельной ветер верной любви.
Тут дело не ново — словить это Слово —
Ты снова, и снова, и снова лови.
Тут дело простое — нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви.

Да как же любить их — таких неумытых,
Да бытом пробитых, да потом пропитых.
Да ладно там, друга, начальство, коллегу,
Ну ладно, случайно утешить калеку —
Дать всем, кто рискнул попросить.
А как всю округу — чужих, неизвестных,
Да как — как подругу? Как дочь? Как невесту?
Да как же, позвольте спросить?

Тут дело простое — найти себе место
Повыше, покруче. Пролить темну кучу
До капли грозою — горючей слезою —
Глянь, небо какое!
Собрать с неба звезды пречистой рукою,
Смолоть их мукою
И тесто для всех замесить.

А дальше — известно. Меси свое тесто
Да носи свое тесто на злобное место —
Пускай подрастет на вожжах.
Сухими дровами — своими словами —
Своими словами держи в печке пламя,
Да дракой, да поркой — чтоб мякиш стал коркой —
Краюхой на острых ножах.

И вот когда с пылу, и вот когда с жару —
Да где брал он силы, когда убежал он?! —
По горной дороге и малой тропинке
Раскатится крик Колобка.
На самом краю, у большого оврага,
У самого гроба казенной утробы
Как пара парного, горячего слова
Гляди, не гляди — не заметите оба —
Подхватит любовь и успеет во благо,
Во благо облечь облака.

Но все впереди — а пока еще рано,
И сердце в груди не нашло свою рану,
Чтоб в исповеди быть с любовью на равных,
И дар русской речи сблечь.
Так значит жить и ловить это Слово упрямо,
Душой не кривить перед каждою ямой,
И гнать себя дальше — все прямо да прямо
Да прямо — в великую печь!

Да что тебе стужа — гони свою душу
Туда, где все окна не внутрь, а наружу.
Пусть время пройдет метлою по телу —
Посмотрим, чего в рукава налетело,
Чего только не нанесло!
Да не спрячешь души беспокойное шило.
Так живи — не тужи, да тяни свою жилу,
Туда, где пирог только с жару и с пылу,
Где каждому, каждому станет светло...

ВАНЮША

Как ходил Ванюша бережком вдоль синей речки,
Как водил Ванюша солнышко на золотой уздечке...

 Душа гуляла,
 душа летела,
 душа гуляла
 в рубашке белой
 да в чистом поле
 все прямо прямо,
 и колокольчик
 был выше храма,
 да в чистом поле,
 да с песней звонкой.

Но капля крови на нитке тонкой
уже сияла, уже блестель,
спасая душу,
врезалась в тело.

Гулял Ванюша вдоль синей речки
и над обрывом
раскинул руки —
то ли для объятия,
то ли для распятия.

Как несло Ванюшу солнце на серебряных подковах,
И от каждого копыта по дороге разбегалось
 двадцать
 пять
 рублей
 целковых.

 Душа гуляет! Душа гуляет!

Да что есть духу, пока не ляжешь,
Гуляй, Ванюха! Идешь ты, пляшешь!

Гуляй, собака, живой покуда!
Из песни — в драку! От драки — к чуду!

Кто жив, тот знает. Такое дело!
Душа гуляет и носит тело.

Водись с любовью! Любовь, Ванюха,
Не переводят единым духом.

Возьмет за горло — и пой, как сможешь,
Как сам на душу свою положишь.

Она приносит огня и хлеба,
Когда ты рубишь дорогу к небу.

Оно в охотку. Гори, работа!
Да будет водка горька от пота!

Шальное сердце руби в окрошку!
Рассыпь, гармошка!
Скользи, дорожка!
Рассыпь, гармошка!

Да к плясу ноги! А кровь играет!
Душа дороги не разбирает.

Через сугробы, через ухабы...
Молитесь, девки. Ложитесь, бабы.

Ложись, кобылы! Умри, старуха!
В Ванюхе силы! Гуляй, Ванюха!

Танцуй от печки! Ходи в присядку!
Рвани уздечку! И душу — в пятку.

Кто жив, тот знает. Такое дело!
Душа гуляет. Заносит тело.

Ты, Ванюша, пей да слушай —
Одна теперь живем.
Непрописанную душу
Одним махом оторвем.

Хошь в ад, хошь — рай!
Куда хочешь — выбирай.
Да нету рая, нету ада.
Никуда теперь не надо.

Вот так штука! Вот так номер!
Дата, подпись и печать.
И живи, пока не помер.
По закону отвечать.

Мы с душою нонче врозь.
Пережиток, вопчем.
Оторви ее да брось —
Ножками потопчем.

Нету мотива без коллектива.
А какой коллектив —
Такой выходит и мотив.

Ох, держи, а то помру
В остроте момента!
В церкву едут поутру
Все интеллигенты.

Были — к дьякону, к попу ли,
Интересовались.
Сине небо вниз тянули.
ТЬфу ты! Надорвались...

Душу брось да растопчи.
Мы слюною плюнем.
А вместо той свечи
Кочергу засунем.

А Ванюше припасла
Снега на закуску я.
Сорок градусов тепла
Греют душу русскую.

Не сестра да не жена
Да верная отдушина,
Не сестра да не жена
Да верная отдушина.

Как весь вечер дождался Ивана у трактира красно солнце,
Колотило снег копытом и летели во все стороны червонцы.

Душа в загуле.
Да вся узлами.
Да вы ж задули
Святое пламя!

Какая темень.

Тут где-то вроде душа гуляет?
Да кровью бродит. Умом петляет.

Чего-то душно. Чего-то тошно.
Чего-то скушно. И всем тревожно.

Оно тревожно и страшно, братцы!
Да невозможно приподыматься.

Да, может, Ванька чего свалляет?
А ну-ка, Ванька! Душа гуляет!

Рвани, Ванюша! Чего не в духе?
Какие лужи? При чем тут мухи?

Не лезьте в душу! Катитесь к черту!
Глядите, гордый! А кто по счету?

С вас аккуратом... — Ох, темнотище!
С вас аккуратом выходит тыща!

А он рукою за телогрейку...
А за душою — да ни копейки!

Вот то-то вони из грязной плоти:
— Он в водке тонет, а сам не плотит!

И навалились, и рвут рубаху,
И рвут рубаху, и бьют с размаху.

И воют глухо. Литые плечи.
Держись, Ванюха, они калечат!

— Разбили рожу мою хмельную?
Убейте душу мою больную!

Вот вы сопели, вертели клювом?
Да вы не спели. А я спою вам!

..... А как ходил Ванюша бережком
..... вдоль синей речки!
..... А как водил Ванюша солнышко
..... на золотой уздечке!

Да захлебнулся. Пошла отравка.
Подняли тело. Снесли в канаву.

С утра — обида. И кашель с кровью.
И панихида у изголовья.

И мне на ухо шепнули:
— Слышл?

Гулял Ванюха...
Ходил Ванюха, да весь и вышел.

Без шапки к двери.
— Да что ты, Ванька?
Да я не верю!
Эй, Ванька, встань-ка!

И тихо встанет печаль немая
Не видя звезды горят, костры ли.
И отряхнется, не понимая,
Не понимая, зачем зарыли.
Пройдет вдоль речки,
Да темным лесом,
Да темным лесом
Поковыляет,
Из лесу выйдет
И там увидит,
Как в чистом поле

Как в лунном поле

Как в снежном поле

душа гуляет,

душа гуляет,

душа гуляет...

НА ЖИЗНЬ ПОЭТОВ

Поэты живут. И должны оставаться живыми.
Пусть верит перу жизнь, как истина в черновике.
Поэты в миру оставляют великое имя,
Затем, что у всех на уме — у них на языке.

Но им все трудней быть иконой в размере оклада.
Там, где судя по паспортам — все по местам.
Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада,
По чистым листам, где до времени — все по устам.

Поэт умывает слова, возводя их в приметы,
Подняв свои полные ведра внимательных глаз.
Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта.
И за семерых отмеряет. И режет. Эх, раз, еще раз!

Как вольно им петь. И дышать полной грудью на ладан...
Святая вода на пустом киселе неживом.
Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада
Пойдут по воде над прекрасной шальной головой.

Пусть не ко двору эти ангелы чернорабочие.
Прорвется к перу то, что долго рубить и рубить топорам.
Поэты в миру после строк ставят знак кровоточия.
К ним Бог на порог. Но они верно имеют свой срам.

Поэты идут до конца. И не смейте кричать им
— Не надо!
Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала.
И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада
Глядят Ему в рот, разбегаясь калибром ствола.

Шатаюсь от слез и от счастья смеюсь под сурдинку,
Свой вечный допрос они снова выводят к кольцу.
В быту тяжелы. Но однако легки на поминках.
Вот тогда и поймем, что цветы им, конечно, к лицу.

Не верьте концу. Но не ждите другого расклада.
А что там было в пути? Метры, рубли...
Неважно, когда семь кругов беспокойного лада
Позволят идти, наконец, не касаясь земли.

Ну вот, ты — поэт... Еле-еле душа в черном теле.
Ты принял обет сделать выбор, ломая печать.
Мы можем забыть всех, что пели не так, как умели.
Но тех, кто молчал, давайте не будем прощать.

Не жалко распять для того, чтоб вернуться к Пилату.
Поэта не взять все одно ни тюрьмой, ни сумой.
Короткую жизнь. Семь кругов беспокойного лада
Поэты идут. И уходят от нас на восьмой.

КАК ВЕТРА ОСЕННИЕ

Как ветра осенние подметали плаху,
Солнце шло сторонкою, да время стороной,
И хотел я жить. И умирал да сослепу, со страху
Потому, что я не знал, что ты со мной.

Как ветра осенние заматали небо,
Плакали, тревожили облака.
Я не знал, как жить. Ведь я еще не выпек хлеба,
А на губах не сохла капля молока.

Как ветра осенние да подули ближе,
Закружили голову. И ну давай кружить,
Ой-й-й — да я сумел бы выжить,
Если б не было такой простой работы — жить.

Как ветра осенние жали — не жалели рожь.
Ведь тебя посеяли, чтоб ты пригодился,
Ведь совсем неважно, от чего помрешь,
Ведь куда важнее — для чего родился.

Как ветра осенние уносят мое семя,
Листья воскресения, да с весточки — весны.
Я хочу дожить, хочу увидеть время,
Когда эти песни станут не нужны.
Когда мои песни станут не нужны...

ПОСОШОК

Эх, налей посошок да зашей мой мешок —
На строку — по стежку, а на слова — по два шва.
И пусть сырая метель мелко вьет канитель
И пеньковую пряжу плетет в кружева.

Отвечайте немых! А я уж сам отпою.
А ты меня не щади — срежь ударом копья.
Но гляди — на груди повело полынью.
Расцарапав края, бьется в ране ладья.

И запел алый ключ. Закипел, забурлил ...
Завертело ладью на веселом ручье.
А я еще посолил. Рюмкой водки долил.
Размешал и поплыл в присподнем белье.

Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.
Покрути языком — оторвут с головой.
У последней заставы блеснут огоньки,
И дорогу штыком преградит часовой.

— Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.
Если хочешь — стихами грехи замолю.
Но объясни — я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого, что люблю?

Ни узды, ни седла. Всех в расход. Все до тла.
Но кое-как запрягла. И вон — пошла на рысях!
Эх, не беда, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.

И наша правда проста, но ей не хватает креста
Из соломенной веры в „спаси-сохрани“.
Ведь святых на Руси — только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони.

Так что, брат, давай! Ты пропускай, не дури!
Да постой-ка, сдастся, и ты мне знаком...
Часовой всех времен улыбнется: — Смотри! —
И подымет мне веки горячим штыком.

Так зашивай мой мешок да наливай посошок!
На строку — по глотку, а на слова — и все два.
И пусть сырая метель все кроит белый шелк,
Мелко вьет канитель, да плетет кружева.

**Гонорар составителя и автора вступительной статьи по его желанию
перечислен на счет, открытый для сбора средств
на сооружение памятника А. Башлачеву.**

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬ КРУГОВ БЕСПОКОЙНОГО ЛАДА. <i>А. ЖИТИНСКИЙ</i>	3
Время колокольчиков	15
Некому березу заломети	16
Ржевая вода	18
Лихо	19
Новый год	20
Все от винта!	22
Случай в Сибири	23
Зимняя сказка	25
Петербургская свадьба	26
Абсолютный Вахтер	28
Рождественская	30
Хозяйка	31
Верка, Надька и Любка	32
Трагикомический роман	34
Слет-симпозиум	35
Подвиг разведчика	37
Грибоедовский вальс	39
Не позволяй душе лениться	41
Палата № 6	42
Дым коромыслом	43
Черные дыры	44
Час прилива	45
Поезд	46
Песенка на лесенке	47
Когда мы вдвоем	49
„Сядем рядом. Ляжем ближе...“	51
Когда мы вместе	53
Вишня	55
Спроси, звезда	56
Все будет хорошо	57
Егоркина былина	58

Мельница	62
Вечный пост	64
Имя Имен	66
Тесто	68
Ванюша	70
На жизнь поэтов	74
Как ветра осенние	75
Посошок	76

Литературно-художественное издание

БАШЛАЧЕВ

Александр Николаевич

Сборник стихов известного автора-исполнителя

Б 12 Башлачев А. . Посошок: (Стихотворения. Вступ. статья А. Житин-
Р 2 ского, оформл. С. Захарьянца – Л.: ЛИРА, 1990.)

Сдано в набор 13.08.90. Подписано к печати 3.08.90. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура журнально-рубленая. Печать офсетная.
5,0 печ. л. Тираж 100 000. Заказ № 2823. Цена 2 руб.

Литературное издательско-редакционное агентство „ЛИРА“ Ленинград-
ского комитета литераторов. 199161, Ленинград, В. О., Малый пр., 27/29
Отпечатано в типографии ППО № 1, г. Пушкин, ул. Коммунаров, 3/8

2 руб.

ЮРА
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ИНТЕРЕСОВ
ЗАКАЗЧИКА